ЖУРНАЛ ВИТЕБСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОСТА

N1. ВИТЕБСК. 1921.

СОДЕРЖАНИЕ.

Статьи и заметки.

Сучки и задоринки.

Агитотдел Витроста.

Устная газета.

Наши агитвечера.

Теревсат.

Наша школа журнализма.

Литколлегии.

Работа в губернии и уездах.

Отрывки из плакатов.

ЖУРНАЛ ВИТРОСТА.

№ 1. | Витебск | 1921 г.

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ!

Приступая к выпуску журнала, на страницах которого будет отражаться агитационная деятельность витебского отделения Роста, мы хотим «отчитаться» не только перед Центром, но также и перед нашими товарищами по агитработе.

Находясь в городе, лишенном цинкографии и вынужденные прибегать к допотопным способам печатания рисунков, мы не могли, разумеется, привести на страницах этого журнала ни образцы наших фото-снимков, ни образцы наших плакатов и «Окон Сатиры»; мы ограничиваемся лишь приведением голого текста последних,— что, конечно, в значительной степени ослабляет впечатление, на которое мы рассчитывали.

Но все-же и в таком, чрезвычайно урезанном, виде наша работа получила известное освещение, и нам хочется рассказать о ней тем из наших товарищей по Роста, которые, как и мы, **тоскуют по контакту.**

— Позвольте представиться!

Мы страшно разобщены, мы годами не получаем друг от друга простой открытки: мы ограничиваемся казенной оффициальной посылкой стенной газеты Роста,—и этим определяется весь наш контакт!

Мы живем под единой крышей Роста, как «приезжающие»—под кровлей гостиницы, не зная друг друга, не интересуясь друг другом, отдаваясь своему личному делу и слыша глухой голос и чужие шаги незнакомого соседа по комнате.

Нам необходимо перестроить холодную, негостеприимную, чопорную «гостиницу Роста», населенную незнакомыми **людьми, в такое** здание, где тесно подружившиеся товарищи будут крепко спаяны любовью к общему делу.

И эти наши пятьсот экземпляров журнала пусть будут очередной стопкой красных кирпичей, из которых в самом близком будущем, на месте отжившей свой век **«гостиницы для приезжающих»**, сложится прекрасный, залитый праздничным светом, **Дворец Агитации**, вечно шумный, действенный и неугомонный!.

— Позвольте же представиться:— Витебское Отделение Роста!

ИТОГИ РАБОТЫ.

(25 июля 1919 г.—25 января 1921 г.).

25 июля 1919 года в уголке скромной комнатки Информационного Отдела Губагентства печати, сорганизовалось и приступило к работе Витебское Отделение «Роста».

Через две недели вышел первый номер стенной газеты, выходящей аккуратно, без пропуска хотя-бы одного дня, до настоящего времени.

Витроста быстро развивала свою деятельность и от скромного издания стенной газеты перешла к выпуску ряда агитационных плакатов, листовок, брошюр и т. д., чутко отзываясь на все запросы текущего агитационного дня.

Затем Витроста перебросила свое внимание на организацию информационной сети в пределах губернии и через предварительную сеть уездных и частью волостных корреспондентов разбросала свои информационные щупальцы по всей губернии, в виде ор-

ганизации уездных отделений «Роста» с волостными корреспондентами.

В соответствии с расширением губернской корреспондентуры расширялась и разросталась информация центра о всех событиях местной жизни.

В пределах горoда был создан мощный городской информационный аппарат, при помощи организации литературных рабочих и красноармейских литколлегий, давший Витросте возможность путем выпуска специальных городских и губернских бюллетеней взять на себя освещение всей местной жизни в периодической печати нашей губернии.

При приближении фронта Витроста быстро уловила напряженный, военный темп работы, снабжая своими материалами и изданиями многочисленные красноармейские части, стоявшие в пределах губернии и придав всей своей работе чисто военный характер.

В области чисто агитационной работы. Витростой сделано больше, чем ей позволяли довольно широкие рамки деятельности.

Мы вышли далеко за них, вызвав к жизни бойкий и темпераментный Теревсат, прошумевший на всю Советскую Россию и перенесший в настоящее время свою деятельность в Москву.

Теревaст дал свыше 100 спектаклей для рабочих, красноармейцев и раненых, горячо полюбивших его веселые и бодрые агитационные подмостки.

Агит-кибитка «Роста» все лето разъезжала в пределах Витебского уезда, неся с собой в деревню литературу, агитаторов и звонкую радостно звучавшую теревсатскую песенку.

Фотоотдел Витроста зафиксировал свыше 400 снимков из революционной жизни нашей губернии.

Мы заклеили городские и магазинные витрины окнами сатиры, забросали заборы, дома и клубы лозунгами и плакатами, вечно звали и будили, не давая никому возможности пройти, не уколовшись о многочисленные, расставленные нами, агитационные острия.

Мы оживили многочислеными клише (свыше 400 штук) газетные и плакатные полосы, иллюстрировали Советскую печать нашей губернии, устройством выставок и т. д.

От печатной газеты мы перешли к устной и световой и чуть ли не ежедневно с театральных подмостков раздаются призывные строки устной газеты, подкрепляемые и иллюстрируемые световыми лозунгами, снимками и т. д.

Нам чужд бюрократизм; мы рождены жизнью, мы вырвались из душных канцелярий, отдающих плесенью и затянутых густой паутиной прошлого.

...Улицы наши кисти, площади наши палитры!..

Мы вечно на улице, собираем, ловим и фиксируем бесконечные события яркой революционной жизни и бросаем в народную массу красные стрелы нашего зовущего пролетарского слова.

«От винтовки—к честному Советскому серпу»—вот лозунг всей Красной России и в частности Советской печати.

«Все силы на усиление производства!»

Наша приспособленная, усовершенствованная Агитповозка, снабженная устной газетой, плакатами, волшебным фонарем и кино—ринется на новый фронт, на фабрики и предприятия, в мастерские и заводы и всюду по бесконечным деревням и селам будет звучать наше новое электрофицированное агитационное слово.

Не отставать от революционной жизни! фиксировать ее малейшие проявления и звать массы на новые подвиги коллективного сподвижничества,—вот лозунг, начертанный на нашем знамени.

И под его волнующимся полотнищем протекает вся работа агитационно-информационного аппарата «Роста».

И. Амский.

Советы молодым журналистам.

Многие видели известную книгу Елены Молоховец «Советы молодым хозяйкам», которая содержит больше 1000 рецептов разных вкуснейших борщей, желе и других блюд.

Не мешало бы выпустить в свет в виде подражания также книгу «Советы молодым журналистам», которая содержала бы рецепты изготовления разных вкусных передовых статей, корреспонденций, фельетонов и других блюд газетной кухни.

Да не осудят меня жрецы литературного цеха за такую профанацию газетного «искусства!»

Ибо в конце концов, мы, газетные авгуры молодой советской печати можем смело сознаться, что наша современная газета—не больше, как газетная кухня, да и не может быть ничем другим.

В самом деле, где мы возьмем столько «настоящих» литераторов, с искоркой, с огоньком и т. д. для сотен наших уездных и губернских газет, сотрудники которых часто лишены не только малейшей «искорки», но даже с трудом умеют складно выразить самую простую мысль?

Остается только упростить дело редакторства и писательстав так, чтобы каждая кухарка могла стать редактором!

Итак, начнем с отрывочных советов. Потом мы их приведем в систему и составим из них целую книгу.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ СОВЕТСКОГО ЖУРНАЛИСТА.

Первая заповедь. Не пиши ни одной такой статьи, для прочтения которой у тебя самого не хватило бы терпения.

Вторая заповедь. Журналист! Выбирая что бы то ни было для помещения, телеграмму ли, статью ли, фельетон ли —имей перед своими духовными очами воображаемого, но совершенно конкретного читателя, **твоего** читателя. Ты ведь его хорошо знаешь!

Задай себе следующий простой вопрос: будет ли ему интересно прочесть то, что ты ему предлагаешь, и в том виде, как ты ему предлагаешь, поймет ли он помещенную тобою телеграмму, или статью, не надо ли ее иначе изложить, что либо в ней объяснить?..

Словом, не забывай ни на минуту читателя! Не увлекайся ни манией остроумия, ни манией ученого глубокомыслия, ни тем более строчкоманией,—самой опасной из всех..

Третья заповедь. Не ври, даже для самой благой цели! Или по крайней мере, ври, да знай меру! Не ври в газетах о митингах, о партийных и беспартийных конференциях, в отчетах о производительности труда, о субботниках и воскресниках и т. д.

Четвертая заповедь. Поменьше верь оффициальным информациям разных волревкомов, волкомтрудов и даже более крупнокалиберных Советских учреждений. Если на какой нибудь Советской Авгиевой конюшне увидишь надпись: «Произведена дезинфекция»,—не верь своим глазам, а понюхай носом: **он** не обманет!

Пятая заповедь. Не притворяйся горячим, когда ты холоден, как лед. Не пиши наигранным тоном. Не подражай никому,—ни Стеклову, ни Бергману, ни Сосновскому. Пиши с тем темпераментом, который дан тебе природой, пиши так, как ты говоришь. Если ты говоришь плохо, то совсем не пиши.

Шестая заповедь. Кради побольше! Кради передовые статьи, фельетоны,—все что лежит плохо. Отбрось предрассудок, что лучше плохая оригинальная статья, чем отличная вырезка или переделка.

..**Седьмая заповедь.** Не прелюбодействуй пером. Не подлаживайся к опасным и влиятельным лицам. Не молчи ни из корысти, ни из страха.

Восьмая заповедь. Не повторяйся. Не уподобись тому дятлу, который считает себя хорошим агитатором, только потому, что он дятел.

Девятая заповедь. Пуще всего бойся шаблона, шаблонных выражений, шаблонных образов, шаблонных лозунгов, хотя бы и самых революционных.

Десятая заповедь. Не пожелай жирных гонораров, жирных пайков, единоличных выдач во имя коммунизма своего. Все это—от лукавого, это—болотные огни, ведущие в страну халтуры.

С. Мерлин.

ОРАБОЧЕНИЕ ПЕЧАТИ.

Позже, чем во всех других отраслях труда начинает пролетариат активно участвовать в печати, начинает принимать участие в проведении современных задач газеты—просвещать трудовые массы и облегчать им пути строительства новой жизни.

Только на 4-й год революции можно смело констатировать, что вовлечение рабочих масс в газетную работу стало наконец, на твердую почву, путем создания литколлегий, т.-е. ячеек газеты на местных фабриках, заводах, учреждениях и организациях.

С каждым днем все более развивается работа литколлегий; после слабых, неудачных попыток первой литколлегии в Москве, мы уже в каждом городе, на каждой крупной фабрике имеем самостоятельные литколлегии, которые еще более разовьются в настоящее время, когда задачи производственной агитации своей основой ставят правильное освещение жизни предприятий на страницах местной печати.

Доказательсьтвом жизненности литколлегий может служить тот факт, что организовавшаяся в Витебске впервые в августе сего года, она за 4 месяца своего существования необычайно развилась.

Кроме редактирования своими силами целых страниче и отделов в местных газетах, она создала также устную газету, пользующуюся громадной популярностью в рабочих и красноармейских массах.

Литколлегия, как организация, собирающая и обрабатывающая весь поступающий материал, оказалась чрезвычайно необходимой, так как только с ее созданием, масса приблизилась к газете и путем включения своих выборных представителей в состав редакции, получила возможность влиять на эту чуждую ей до сих пор редакционную работу.

В создании сильных, работоспособных литколлегий, должны принять активное участие все партийные силы и редакции газет, так как только они могут оживить наши мертвые до сих пор провинциальные газеты, сделать их живыми, яркими, реагирующими на все вопросы нашей богатой событиями повседневной жизни.

Агитация за производство, освещение всех задач хозяйственного строительства руками самих творцов социалистической жизни—рабочих, имеет громадное значение для нашей бледной провинциальной печати и особенно уездной, где задачи крестьянства и сельского хоз., являющиеся фактически производственными задачами деревни, почти совершенно не обсуждаются.

В этом отношении особенно важными и необходимыми являлись бы сельские и волостные литколлегии, создание которых можно было бы возложить на волостные комячейки, причем инструктирование их могут принять на себя уездные отделения «Роста», таким путем сумеющие создать и живые популярные устные газеты, создание которых сейчас в уездах почти всюду тормозится отсутствием работников.

Только, таким путем задачи орабочения, пролетаризации печати станут, наконец, на твердую почву не только в губернском масштабе.

А. Берский.

РАБОЧАЯ ПРЕССА.

На 2-м съезде работников печати нашим глазам представилась старая, печальная картина. Все редактора уездных газет с горечью отмечали какое-то презрительное, начальственное отношение к местной печати.

Какой-нибудь председатель Упродкома приказывает печатать его статью и редактор рта раскрыть не имеет права, не только, что слова выкинуть из статьи.

Печать, та самая печать, которая всесильна в капиталистических странах, которою так умело пользуются буржуазные государства—у нас в загоне.

Редакции английского «Таймса», французского «Тана», немецкого «Форвертса», даже редакции наших ушедших в вечность газет, как «Речь», «День», «Русское Слово», каждая сама по себе—маленькое государство, где все живет, все работает исключительно газетой и для газеты.

А у нас редактор полоцкой газеты рассказывал, что он работает 25 часов в сутки, ибо Уездревком считает недопустимым, чтобы человек отдавался исключительно такому пустому делу, как газета.

Во время моего объезда губернии редактор городокской газеты не мог меня увидеть из-за того, что в течении двух дней, когда я находился в Городке, он беспрерывно был занят на заседаниях различных учреждений и организаций.

Необходимо прежде всего устранить это вкоренившееся держимордовское отношение к нашей печати.

Надо раз навсегда сказать, что пресса рабочей республики не должна уступать капиталистическим газетам. Производственная ли пропаганда, неделя ли Красной армии—всюду прежде всего газета, газета и газета. А если так, то не место в газетах Хлестаковским приказам. Газета должна редактироваться редакторами, а не заведывающими Упродкомами.

Партийные органы должны не «начальствовать», а идейно руководить прессой, оказывать ей всяческую поддержку. Газете—лучших людей, широчайшие средства!

Если мы это проведем, а иначе быть не должно, мы будем иметь сильную и яркую рабочую прессу.

Исбах.

Еврейская печать в Витебске.

В нашем обзоре мы коснемся главным образом, периодических изданий, характеризуя моменты их возникновения и развития в связи с ростом коммунистического движения среди еврейских рабочих и трудящихся масс.

Прежде всего, нам необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на состояние еврейского печатного дела в Витебске до появления в нем первого периодического издания на еврейском языке.

«Нелегальщина».

До революции 1917 г. в Витебске совершенно не было еврейской печати.

Даже типографии еврейской не было для исполнения мелких заказов на еврейском языке и в этом отношении Витебск стоял ниже других губернских городов бывшей «черты оседлости».

Правда, в одной из местных типографий имелась касса с еврейским шрифтом, но этот шрифт должен был храниться в тайниках подземелья для печатания нелегальных листовок и воззваний, а это приходилось делать очень редко, т. к. вся нелегальная революционная литература печаталась в центрах более населенных еврейскими рабочими, как Вильно, Минск, Белосток, Гомель и Двинск.

Зародыши еврейской печати.

После февральской революции 1917 г., когда начали оживать еврейские революционные партии и организации и открылся широкий простор для живой революционной работы, начала назревать и для Витебских еврейских рабочих потребность в своем собственном органе печати на еврейском языке.

В течении всего 1918 года, когда все крупные еврейские культурные центры были оккупированы германским милитаризмом, и Витебск остался единственным пунктом, где евреи живут компактными массами, все еврейские рабочие центральной России и мелких городов и местечек почувствовали тягу к «единственному» еврейскому центру и тогда в Москве, в центральном комиссариате по еврейским делам упорно начали поговаривать об основании печатного органа на евр. языке в Витебске.

Выход первого номера.

Кое-как «сколотили» еврейскую типографию и в два приема, при наличии двух наборщиков, выпустили в день 1-й годовщины Октябрьской революции —первый праздничный номер «Дер Фраер Арбетер» («Свободный рабочий»)—орган Витебской еврейской секции РКП.

Еврейские рабочие Витебска и Западной области, а также отдаленных центров России радостно встречают эту газету и содействуют всячески ея распространению.

Я, в качестве секретаря редакции этой газеты, не мало прочитал прочувствованных писем от еврейских рабочих групп, разбросанных по всей России, по случаю выхода газеты на еврейском языке.

Но газета, вследствие недостатка наборщиков и типографских материалов, не могла выходить регулярно.

Всего вышло 7 номеров.

К началу 1919 г. издание прекратилось.

Периодическая пресса.

В августе 1919 г. газета «Дер Штерн» выходит под редакцией тов. Я. Вайнштейна, затем Левитана, но самый расцвет газеты и в некотором смысле даже ее совершенство заметно было в период, когда она выходила под редакцией опытного журналиста—литератора т. Ш. Эпштейна.

В августе с. г., согласно распоряжения центра газ. «Дер Штерн» возвращается со своими сотрудниками в Минск.

Но Витебский еврейский пролетариат органически уже сжился со своей ежедневной газетой и создает на этот раз свой новый ежедневный орган «Дер Ройтер Штерн», который выходит беспрерывно с 14-го августа под редакцией т. Абрама.

«Дер Ройтер Штерн», как орган Витебского еврейского пролетариата главное внимание свое уделяет вопросам местной и партийной жизни, в то же время не оставляя в стороне вопросы политики и литературы.

В виде постоянных приложений к «Ройтер Штерн», выходят «Дер Юнгер

Коммунист», «Фолксбилдунг», «Профессиональное движение», и «Женщина Работница».

С сентября в Витебске начал выходить ежемесячный политически-литературный журнал «Хвалиес» («Волны»), орган РКСМ на еврейском языке.

Заканчивая обзор еврейской печати в Витебске, можно с гордостью сказать, что такому развитию еврейской печати в сравнительно отсталом городе, как Витебск, способствовало с одной стороны самосознание еврейских рабочих масс, а с другой стороны—советская власть, предоставляющая широкую инициативу пролетарским массам всех национальностей в области развития своей родной культуры.

Марциус.

ПЕРЕЧЕНЬ

изданий на еврейском языке, вышедших в Витебске с 1 ноября 1918 г. по 15 декабря 1920 года.

1) «Дер Фраер Арбетер» (еженедельное издание 7 номеров).
2) «Дер Штерн» (ежедневно).
3) «Дер Ройтер Штерн» (ежедневно).
4) «Хвалиес» («Волны»)—ежемесячный журнал.
5) «Фолксбилдунг» (6 номеров).
6) «Профессионеле Бевегунг» (3 номера).
7) «Красноармеец».
8) «Юнгер Коммунист» (19 номер.).
9) «Женщина-Работница».
10) «Роста» (стенная).

Кроме вышеуказанных изданий в Витебске издан сборник революционных песен на еврейском языке и несколько политических брошюр.

М.

Централизация издательского дела.

(К организации Витгосиздата).

Мысль о создании единого органа, который объединил бы всю литературную и агитационно-пропагандистскую издательскую деятельность Республики, нашла свое осуществление в постановлении ВЦИК от 23 мая 1919 г.

Необходимость создания такого государственного аппарата, который внес бы в издательское дело определенную планомерность и систему, вызвана все возрастающим спросом со стороны трудящихся на книги и газеты и, в соответствии с этим более рациональным использованием небольших запасов бумаги и полиграфических рессурсов.

Особенно резко выявилось это в наших центрах (Москва, Петроград), где издательское дело было очень развито. Печать стала самым сильным методом агитации и пропаганды.

Но отсутствие необходимого количества бумаги и технических возможностей, поставило перед Госиздатом задачи разработки плана издания, т.-е. печатания самого необходимого и в первую голову агитационного материала.

Осуществление этого во многих крупных городах уже достигнуто: там за время своей работы отделения Госиздата в достаточной мере оформились и окрепли, вполне оправдывая возложенные на них задачи.

У нас, в провинции, в частности в витебской губернии, необходимость создания единого издательского аппарата начинается выявляться только теперь.

Существовавший до сего времени хаос в издательском деле (ибо оно было сосредоточено у разных лиц и учреждений) особенно дает себя чувствовать теперь, когда проводятся разные агитационные кампании (посевная, топливная, международный день работниц, 50-летие парижской коммуны и т. п.).

Организация Госиздата в Витебске устранит этот хаос и внесет в издательское дело планомерность и организованность.

Имеющиеся в нашем распоряжении технические рессурсы и бумага, будут использованы более рационально и в первую голову в целях агитации и производственной пропаганды.

Но кроме того, организация Госиздата даст возможность слить в один аппарат тесно связанные между собой три организации: Отделение Центропечати, Роста и редакцию местных «Известий».

Этим самым устраняется излишний параллелизм в работе и достигается экономия сил и средств.

Осуществление этих задач, поставленных перед витебским отделением Госиздата на первый период его работы даст возможность развить усиленную и планомерную издательскую деятельность.

Кусильман.

Сучки и задоринки

О неумеющих пожать посеянное.

Придуман «новый способ печатания» —стеклография.

Уже вышло несколько изданий, отпечатанных стеклографским способом.

Но несмотря на то, что, как уверяет «Красный Журналист» (№ 4-5-6), в настоящее время ведется широкая пропаганда нового способа печатания, мы совершенно не осведомлены о том, каких результатов достигла стеклография.

Мы знаем о том, что «что то» делается в Екатеринбурге, что «чем то» может гордиться Уралроста, при котором организованы инструкторские курсы стеклографии, но ни Уралроста, ни Центророста не информируют все отделения российского телеграфного агентства о том, что это, собственно, такое—стеклография.

Вышли журналы «Юный Коммунар» и «На смену», отпечатанные стеклографским способом,—где они?

Мы можем, несмотря на типографский и цинкографский кризисы, печатать и размножать, чуть ли не бесконечно, произведения печати; честь открытия этого сказочного способа, не уступающего по фантастичности «ковру-самолету», принадлежит тов. Левенцу, преподающему свой предмет на курсах, организованных при Уралроста, —почему Уралроста не выпустило самую тощую брошюру, из которой мы узнали бы не только «в общих чертах», но и более подробно о великом изобретении наших дней?

Если бы т. Левенец «жил и работал» за-границей, мы без сомнения знали бы о том, когда и в каком городе родился тов. Левенец, кто был его прабабушкой, какие самые излюбленные его блюда и какого он мнения о последнем футбольном матче в столице Вандименовой Земли.

Мы выпускаем никому не нужные «Бюллетени» не только всех губсовнархозов, но чуть ли не усовнархозов, а екатеринбургский совнархоз, имея «под боком» свою собственную «стеклографию», держит в секрете то, что должно было бы быть рассказано, во всех подробностях, «каждому встречному»!

Уралроста должно было бы, не откладывая ни на одну минуту, выпускать регулярно для всех отделений Роста специальные бюллетени о ходе работ на единственных инструкторских курсах стеклографии.

Мы откомандировали своего представителя в далекий Екатеринбург; это путешествие сопряжено теперь с невероятными трудностями и стоит огромных средств,—все это можно было бы легко устранить, если бы Уралроста, не позабыв воспользоваться «собственным» изобретением, отпечатало и размножила несколько дельных инструкций о том, что же, в конце концов, сделано в Екатеринбурге в смысле стеклографии.

Если Уралроста не догадывается пожать то, что оно посеяло,—пусть оно, минуя собственную «стеклографию», напечатает «допотопным способом», т. е. типографским, в екатеринбургских «Известиях», несколько информирующих статеек об открытии, сделанном тов. Левенцом...

Нам же, прочитавшим в екатеринбургских «Известиях» эти статейки, останется только одно: размножить их... через стеклограф!

М. П.

АГИТРОСТОВСКАЯ ОПАСНОСТЬ.

Это было задолго до Агитроста.

Никем не информированные, лишенные «руководящих» советов, далекие от столичных указок, провинциальные журналисты писали в своих передовицах:

— Как мы и предсказывали в нашей статье от 2-го февраля («Мавр сделал свое дело—Мавр может уйти»). Индия не согласилась оставить без последствий кровожадные притязания Англии.

Дорогобужский «передовик» писал:

— Несмотря на наше предупреждение, Италия все-же хочет напасть на Германию.

Ейский «передовик» угрожал:

— Если Афганистан не уймется в ближайшие-же дни,—мы слагаем с себя всякую ответственность...

А зарайский—рубил сплеча:

— В последний раз заявляем: если Месопотамия не сократит свои непомерные аппетиты, то все наши симпатии будут на стороне Филадельфии.

В глухих медвежьих редакциях провинции ножницы работали так рьяно и так часто, что проходящие мимо редакции полагали, что это—парикмахерская, но все-же такие отделы, как передовая статья «писались от руки».

Выходило подчас забавно, беспомощно, наивно, курьезно, но «инициатива» была в руках дорогобужского, ейского и зарайского передовика.

Но вот, вместе с письмами в редакцию, в провинции стали получаться из Москвы бюллетени Агитроста.

Сначала провинциальные газеты застенчиво и робко извлекали оттуда только фельетоны Грамена, затем они стали смелее, и в очередной номер газеты ежедневно попадали, в качестве «подпередовиц», статьи из Агитроста т-т. Меньшого, Н. Славинского, Егора Каменьщикова и других, а в последнее время и в дорогобужских, и в ейских, и в зарайских газетах на месте передовиц красовался агитростовский материал.

Провинциальные громовержцы-передовики, недавно предупреждавшие «в последний раз» Ллойд-Джорджа и слагавшие с себя всякую ответственность за политику Афганистана,—присмирели, «сократились», ушли в раковину своих собственных интересов,—и, как по мановению волшебного жезла, все провинциальные газеты стали походить одна на другую до смешного, вернее—до грустного...

Тому, кому попадалась пачка провинциальных газет, становилась ясна «агитростовская опасность», аннулирующая физиономию газеты, стригущая все газеты под одну бюллетеньскую гребенку и мазавшая их единым мирром самого лютого трафарета...

Зачем писать оригинальную статью, когда можно на готовой, хорошо составленной статье, вырезанной из Агитроста, приписать только два слова: «В набор»?

Если Агитроста, действительно хочет пойти навстречу провинциальному журналисту, то целесообразнее было бы или совершенно не давать ему бюллетеней Агитроста, где и форма статей и содержание их **ничем не отличаются** от тех, которые изо-дня в день печатаются в центральных газетах, или же, по примеру агитотделов парткомов,—давать лишь **тезисы для журналистов.**

Умело подобранные тезисы разбудят провинциальных журналистов от сна, навеянного на них бюллетенями Агитроста, и совершится чудо: провинциальный журналист снова возьмется за перо!

Снова появятся на столбцах дорогобужских, ейских и зарайских газет статьи, в которых «предупреждается» Ллойд-Джордж и «ставится на свое место» Клемансо; снова, лихорадочно затягиваясь папироской, воскресший провинциальный журналист будет обдумывать свою передовицу; в сонных, безразличных глазах захолустного газетного работника снова замерцает литературный огонек...

— Сейчас почта сообщила по телефону, что пришел свежий номер Агитроста. Послать? Может быть, пригодится?..

— Нет, товарищ. Дайте мне прежде закончить передовую статью!..

М. Пустынин.

Все хорошо, что хорошо кончается!

Нашему, витебскому, отделению Роста, неоднократно приходилось выслушивать легкое отеческое порицание, исходящее из Центророста, по поводу Теревсата:

— Чудят они!

— К чему этот шум? Нельзя ли потише!

— Театр это дело не наше. Согласно декрету...

И так далее, и так далее...

Несмотря на то, что весь своей репертуар мы строили так, что пьески, составлявшие его, представляли собою инсценированные плакаты, не прошедшие, до выхода в свет, через типографский станок исключительно из за отсутствия технических средств (не было бумаги, краски, типография была загромождена срочными заказами Паркома), нашу работу «не признавали».

Мы делали огромной важности дело, —правда, не отмеченное в инструкциях, но «лежащее», тем не менее, в типе Роста, отвечавшее его заданиям, его **хорошему** агитационному **тону**, но тов. Керженцев на нашем докладе о необходимости поддержать витебский Теревсат писал следующее:

««Театр должен субсидироваться, согласно декрету, Отделом Народного Образования. За вами может остаться лишь идейное руководство».

А в это же время на страницах «Красного Журналиста» появлялись статьи о том, что хорошо бы серые устные газеты освежать инсценированным фельетоном и живыми каррикатурами, которые, в сущности, и были «переодетыми» номерами Теревсата...

Таким образом, если пьеска называлась инсценированным фельетоном, то расходы по ней допускалось оплачивать из кассы Роста, если же, по рассеянности составителя афиши, рядом с названием «Три Витязя» не значилось в скобках «Живые каррикатуры», то расходы по такой пьеске надо было покрывать из кассы Отдела Народного Образования...

Теперь, спустя год после нашей «выдумки», решительно все пришли к тому, с чего мы начали:

Устные газеты считаются «образцовыми» именно тогда, когда они «заключаются» инсценированным фельетоном и живыми каррикатурами.

Таким образом,—своим «Теревсатом» Витроста, в колеса которого ставились палки с клеймом «Центророста», еще в марте 1920 года показало тип «усовершенствованной устной газеты», одобренный в марте 1921 года, на страницах «Красного Журналиста», самим центром...

М. П.

ИСТОРИЯ ОДНОГО КЛИШЕ.

(К рисунку на 16-ой странице).

Витебское отделение Роста, испробовав все виды клише, остановилось на линолеумном, как наиболее податливом и эластичном.

Одно время мы пользовались услугами местных граверов, делавших нам чрезвычайно топорные и тяжеловесные клише из олова или цинка, но эти клише, во-первых, только отдаленно напоминали нужный нам рисунок, исковерканный и упрощенный до неузнаваемости, а, во-вторых, находились «в работе» не меньше десяти дней..

Гораздо скорее, чуть-ли не в два дня, делались деревянные клише, которые передавали заказанный рисунок почти точно.

Но лучше всего—клише, вырезанное на линолеуме.

Оно по скорости воспроизведения побивает цинковое клише, сработанное в «настоящей цинкографии».

Часа, а иногда и получаса времени достаточно для того, чтобы данный вами рисунок был переведен на линолеум.

Сначала мы боялись довериться хрупкому и женственному линолеуму, ставя его только в плакат, печатающийся в небольшом количестве экземпляров.

Когда мы впервые отважились поставить линолеумное клише в полосу газеты с тиражем в пять тысяч экземпляров, то, на всякий случай, запаслись еще тремя повторными клише, чтобы в случае поломки иметь возможность сейчас же заменить «отработанный» рисунок—резервным.

Но наши опасения не подтвердились. «Параллельные» клише остались неиспользованными. Этот опыт окрылил нас, и в настоящее время мы не только ставим линолеумное клише в газеты, но также посылаем его, по использовании, в наши уездные отделения.

Помещенное на 16-й странице клише имеет богатое прошлое: оно было заказано для плаката «Последняя речь тов. Ленина», отпечатанного в пяти тысячах экземпляров; спустя месяц, оно появилось в стенной газете Роста, тираж которой—1000 экземпляров, а затем—в изданном Витроста однодневном журнале, посвященном «Неделе Крестьянина» и отпечатанном в 8,000 экземпляров; это же клише честно сослужило службу также газете «Факел» (Сенно) и газете «Молот» (Невель), куда оно было выслано по требованию редакторов.

Мытарства этого клише на этом не кончаются. Прибыв «на место», в Витебск, оно украшает собою воззвание «К рабочим и крестьянам» и, наконец, попадает, как показательное, в журнал Витроста.

Таким образом, это скромное клише выдержало около тридцати тысяч экземпляров различных изданий, и думается, что этим не кончится его бурная, многострадальная, полная неожиданностей и богатая приключениями жизнь...

А. Туманов.

АГИТОТДЕЛ ВИТРОСТА

Деятельность Агитотдела Витроста.

Многообразна и разностороння агитационная деятельность Витебского отделения Роста.

Она положена в основу всей работы отделения и является ее основным фактором и красной нитью проходит по всем многочисленным начинаниям Витроста.

Окна сатиры.

Организовано 30 экземпляров окон сатиры, нарисованных частью на местные темы, а частью являющихся перепечаткой газетных каррикатур.

Окнами сатиры обслужен город, и затем они частью были переброшены и на уезды.

Крайне скудные рессурсы отделения в этом отношении были немного пополнены полученными из Центророста сатирическими плакатами. Работа в этой области сильно тормозится отсутствием художников, необходимых материалов и т. д.

Фото-отдел.

Фото-отделом Витроста зафиксировано свыше 400 моментов революционной жизни нашей губернии.

В свое время этот фото-материал на выставке Витроста вызвал значительный интерес к себе со стороны населения в особенности благодаря интересным снимкам разрушений, произведенных белополяками в Полоцке и Бобруйске, запечатленным нашим корреспондентом.

Агит-повозка.

Все лето 1920 года успешно функционировала в пределах Витебского у. агитационная повозка Витроста, возившая под своими пестрыми сатирическими стенками литературу, агитаторов, артистов и т. д.

Всего было организовано до 30 поездок в уезд.

Кроме того, эта повозка работала и в пределах города, в садах и на площадях, собирая большие толпы народа.

Устная газета.

Большое внимание и место было уделено постановке устных газет.

Устные газеты в Витебске проводились целым рядом организаций (Союз Ком. Мол., Женотдел, Губпартш., Всевобуч и т. д.) техническими средствами и при участии работников Роста.

Но устные газеты этого типа очень мало отличались от усовершенствованного митинга и лишь в последнее время удалось создать показательную устную газету, впервые поставленную на 1-м агитвечере Роста при участии артистов, волшебного фонаря и т. д.

Всего было проведено в пределах Витебска приблизительно 40 чтений устных газет.

Более подробные сведения помещены в отделе «Устная газета».

Световая газета.

Витростой на своем 1-м агитвечере проделана интересная попытка постановки световой газеты при помощи усовершенствованного волшебного фонаря.

Перед зрителями на экране прошли снимки участников 8-го Всероссийского съезда Советов, чередуемые с лозунгами, надписями, диаграммами и т. д.

Эта попытка весьма удачно проведенная, открывает у нас в Витебске новую эру—световой газеты (световой сводки трудового фронта, световых окон сатиры и т. д.).

Выставка Витроста.

Витростой организовано две выставки ко второй и третьей годовщине Октябрьской революции; первая—совме-

стно с Губагентством Центропечати, а вторая—самостоятельно.

Первая выставка иллюстрировала всю периодическую и непериодическую печать всей Советской России, вторая—главным образом, отмечала печать нашей губернии и наглядно показала всю работу Роста в виде целого ряда схем, диаграмм, комплектов изданий, скон сатиры, фото-отдела и т. д.

Обе выставки помимо многочисленной публики посещались экскурсиями учреждений и предприятий.

Клише.

Для оживления полос газет, плакатов и т. д. Витростой организовано было производство линолеумных и деревянных клише, которые помимо использования их на месте, были разосланы по всем уездам и даже в порядке обмена в ближайшие губернии.

Всего изготовлено 290 линолеумных и 180 деревянных клише.

Издательская работа.

Витростой выпущено 8 плакатов, из них один напечатанный в две краски литографским способом «Блокада» с общим тиражем до 25.000 экз.

Плакаты эти технически были выполнены удачно и с успехом распространены по губернии.

Выпущено 9 журналов и брошюр, приуроченных к наиболее выдающимся событиям революционной жизни, с общим тиражем до 30.000 экземпляров.

Выпущено около 50.000 экз. лозунгов и воззваний.

Теревсат.

Ударным моментом агитационной работы Витроста следует считать организацию Театра Революционной Сатиры, первого в Советской России, перебросившего свою работу после Витебска в Москву, а оттуда и в другие города.

Бойкий и интересный агитационный репертуар театра создал к нему живейшие симпатии рабочих и красноармейских масс с большим интересом посещавших его спектакли.

Витебский Теревсат давал показательные спектакли в Смоленске для Политуправления Запфронта, где вслед за Витебском, также был организован такой театр.

Витебский Теревсат дал свыше 120 спектаклей, которые посетило в общем до 300.000 человек, включая сюда спектакли, данные с автомобилей на площадях под открытым небом, в госпиталях, за городом и т. д.

Агит-вечер Роста.

Организованный Витебским отделением Роста агит-вечер явился показательным итогом всей агитационной работы отделения, интересной попыткой соединить в одно целое всевозможные приемы и методы агитации.

Устная и световая газета, кино, концерт, театр и Теревсат, были скомбинированы в одну пеструю агитационную программу. Успеху вечера содействовала также и внешняя обстановка.

Весь театр был испещрен лозунгами, производилась раздача Советских газет и т. д.

Показательная комната Витроста.

«Всю работу—на стенку»—вот лозунг, который поставило перед собой отделение при организации Показательной комнаты, на стенах которой скомплектована в виде целого ряда экспонатов вся деятельность отделения в пределах губернии.

Здесь и наши плакаты и журналы, и фото-отдел и снимки агитповозки, выставка «Три года пролетарской печати», организованной Витроста и наглядная стенка, иллюстрирующая работу уездных Роста, стенка периодической печати губернии и т. д.

Вот в общих штрихах основные контуры работы агитотдела Витебского отделения Роста.

И. Амский.

Наша световая газета.

Великолепный материал для нашей световой газеты дали нам «Бюллетени Прессбюро», на страницах которых были помещены портреты делегатов 8-го съезда Советов.

Мы перевели почти все напечатанные в «Бюллетенях» портреты на стекло и, показывая их на экране, сопровождали краткими объяснениями.

Помимо живого «объяснения картин», мы попробовали также и световые лозунги в стихах на тему о работе 8-го съезда Советов.

Карикатуру на Дана мы сопровождали раешником, в котором отдавалось должное тому, кто приходит с меньшевистским «Канун да ладан» на красные торжества рабочих и крестьян...

«Бюллетени Прессбюро» дали «хороший толчок» нашей световой газете: в настоящее время нами демонстрируются световые каррикатуры, частью задуманные нами, частью взятые из фотографических снимков с окон сатиры Центророста, и сопровождаются живо составленным агитационным раешником.

Мы произвели также опыты применения портретов в световой производственной газете, прошедшие с большим успехом среди железнодорожников и водников.

Благодаря помощи витебской киносекции, товарищески откликнувшейся нам, а в частности—тов. Эйдуса, умело приспособившего волшебный фонарь к кино-аппарату, мы имеем возможность исчерпывающе и во время эксплоатировать нашу «начинающую», но ежедневно разростающуюся и углубляющуюся с каждым номером, световую газету.

Опыты «Бюллетеней Прессбюро», благодаря которым провинция впервые могла поместить портреты и каррикатуры, как на столбцах газет, так и на экране, следовало бы продолжить Центророста.

«На местах» часто нет возможности нарисовать «злободневный» портрет или набросать остроумную каррикатуру; присланные же из центра, такие портреты и каррикатуры переведутся чуть ли не механическим путем на стекла —и световая газета будет иметь легкую возможность щеголять перед изумленными зрителями—«политипажами в тексте»...

А. Полунин.

Наши „Окна Сатиры".

В связи с типографским и цинкографским кризисом, вытеснившим из издательского обихода клише, так оживлявшие газетные полосы,—приобрели право гражданства «Окна Сатиры».

Упомянутый уже цинкографский кризис не раз заставлял бойкую и темпераментную Сатиру бесполезно и грустно блуждать мимо глухо заколоченной двери, ведущей в цинкографию, но недолго блуждала бесприютная Сатира: в один прекрасный день прохожие были удивлены, увидев в окнах колоритные пятна плакатов-каррикатур.

Перефразируя стих из известной басни, можно сказать:

«Гони сатиру в дверь,—она влетит в окно!»

В витебских «Окнах Сатиры» были показаны плакаты-каррикатуры на темы, приспособленные большею частью к различным агитационным кампаниям: «Неделя Крестьянина», «Фронт и тыл —два красных брата», «Ударный субботник», «Неделя помощи раненому и больному красноармейцу», «Против холода в атаку», «Неделя Ребенка», «Перед великим посевом» и т. д.

Наши «Окна Сатиры» отражали также и чисто местные злобы, как то: «Выборы в Горсовет», «Наши собственные Гоцы, Либеры и Даны», «Суд над Хедером» и пр. с сопровождением «крепкого» и «ударного» текста.

В. Березов.

Образцы наших подписей к „чужим“ рисункам.

Из плаката, выпущенного к „Неделе Крестьянина“.

Красному солнцу не страшен ущерб:
Солнцем стремленья пылают российские!
Если сплетутся и молот и серп,—
То победят они танки английские!

***

Горе-Антанта плетет сотни уз...
Нам-ли бояться похода антантского?
Что этой бешеной своры союз—
Против союза рабоче-крестьянского?..

„Будем кричать на всю Ивановскую!“

«Первый номер» устной газеты.

Каждый из вас, вероятно, помнит стихотворение Майкова, вошедшее в любую хрестоматию под названием «Манифест».

Вот оно:

Посмотри: в избе, мерцая,
Светит огонек.
Возле девочки-малютки
Собрался кружок.
И с трудом от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя.
Мужички, в глубокой думе,
Слушают, молчат.
Разве крикнет кто, чтоб бабы
Уняли ребят.
Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что нибудь.
Даже с печи не слезавший
Много-много лет
Свесил голову и—смотрит,
Хоть не слышит дед.
Что ж так слушают малютку?
Аль уж так умна?
Нет, одна в семье умеет
Грамоте она!..
И пришлося ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть...

В настоящее время, когда мы совершенствуем аппарат устной газеты, мне вспоминаются эти строки и я думаю, что эпизод, трогательно описанный в приведенном стихотворении, есть, в сущности, прообраз нашей устной газеты.

«Зачинаясь» от этой «девочки-малютки», устная газета, через громкочитальню, идет к современному типу устной газеты,—еще неверной, зыбучей, мучительно зарождающейся, еще только строющей свое настоящее лицо.

Почему стала выходить устная газета?

Для издания обычной газеты в тысячу экземпляров нужно, кроме редакции, иметь типографию с особыми машинами, десятки пудов шрифта, наборщиков, печатников, десятки пудов бумаги и многое другое.

Одним словом, на нее должны быть поставлены сотни рук и затрачено множество разного материала.

Теперь же недостаток остро чувствуется решительно во всем; он тормозит, а иногда делает совершенно невозможным издание печатной газеты. Вышла краска—газета станет. Нет бумаги,—газета не выходит. Поломалась машина или нет рабочих,—опять газета,—«по независящим от редакции обстоятельствам»,—не вышла в свет.

Если же газета и выходит, то благодаря недостатку бумаги, печатают ее в небольшом количестве экземпляров,—так что на 100 человек приходится одна газета.

Все это и толкнуло на мысль выпускать такую устную газету, на которую не требовалось бы бумаги, не нужно было бы типографий, машин, краски и т. п.

Придумали—«живую», «устную газету».

История устной газеты.

Нельзя, однако, сказать, что устную газету, в том виде, в каком она читается сейчас, придумали только теперь.

Историки журнализма называют, что устная газета приходится [illegible] «бабушкой» печатной газете.

Так, до изобретения печатной газеты, устная газета была у китайцев. Там ходили специальные люди, собирали по всей стране новости и распространяли их среди народа.

Устные газеты были в Риме, и во многих городах других стран, а позднее устные газеты начали «выходить» также и в Росии.

Так, на Ивановской площади в Москве стекался народ, которому дьяк сообщал последние новости, распоряжения правительства, сведения о казнях крамольников, о рождении и смерти особ царского рода и т. д.

Чтобы быть услышанным, дьяк должен был кричать на всю площадь.

Отсюда, между прочим, и возникла всем известная русская поговорка:

«Кричит на всю Ивановскую».

Имеет-ли смысл устная газета сейчас?

На этот вопрос можно ответить: в некоторых случаях устная газета имеет смысл даже больший, чем газета печатная.

Благодаря недостатку материалов и рабочих рук, одна печатная газета у нас приходится на сто человек.

Из этих ста человек 80 человек неграмотны или малограмотны и не могут, следовательно, самостоятельно прочесть и разобраться в прочитанном.

Кроме того, из оставшихся 20-ти не всякий может прочесть и целиком понять печатную газету, а тем более растолковать ее другим.

Из ста-же грамотных, вероятно, найдется 99, которые читая газету не все себе как следует, уяснили. А газета— **нема;** отвечает она только на то, что в ней написано—да и то не всегда исчерпывающе и толково.

Все это и наводит на мысль попробовать сделать газету такой, чтобы она была **доступна для всех,** была **живой,** т.-е. чтобы она тотчас же могла отвечать на все вопросы, возникшие в головах слушателей под влиянием ее чтения и чтобы всякий слушатель, даже мало развитый, прослушав устную газету, имел ясное представление о том, что совершается в мире и имел бы обо всем этом свое суждение.

А такой может быть лишь газета устная, «живая» *).

*) Скудные сведения по истории устной газеты взяты частью из „Красного Журналиста", частью из провинциальных газет.

Должна ли устная газета повторять печатную?

В циркулярных статьях об организации устной газеты, помещенных в центральных органах печати, указывалось на то, что устная газета должна в себе содержать по возможности все те отделы, которые встречаются в печатных газетах.

Мне кажется, это неверно.

Устная газета должна строиться по особому, по новому плану; все, что было скучного и мертвого в «настоящей газете», не должно быть механически-слепо перенесено в газету живую.

Устная газета ни в коем случае не должна быть слепком печатной.

Материал, **обычный** в печатной газете, должен быть **неузнаваем** в газете устной.

Об устной газете следует, применяя армянский анекдот, отзываться так:

— «Знаешь печатную газету? Савсэм нипахожэ!»

Всеми силами надо стремиться к тому, чтобы материал для устной газеты **«подавался»** аудитории в удобослушаемом, в колоритном, в разнообразном виде.

Ни одной «вырезки из газет» не будет в идеальной устной газете, путь которой—**от печатной газеты к театру.**

Подальше от серых газетных полос, от двухколонных, трехколонных и даже пятиколонных заголовков, подальше от верстки, самой «американской!»

В устной газете должны чувствоваться театральные подмостки, а не наборные машины, взвившийся занавес, а не корректура.

Но, уйдя от мертвой печатной газеты, устная газета не должна придти к мертвому же театру; разорвав с газетными традициями, устная газета не должна породниться с традициями театральными.

Устная газета, разорвавшая путы газетных столбцов, рвет также путы затхлых кулис, и недаром, в Москве, в пьесе «Зори», в верхарновский текст врывается... последняя оперативная сводка!

Не повторяйте митинга!

Итак, устная газета в настоящее время находится на распутьи, на перекрестке трех дорог: газетной, театральной и митинговой.

О газетной и театральной дорогах я уже говорил; скажу теперь несколько слов о митинговой дороге.

По этой последней катилась устная газета, пока не наскучила слушателям, увидевшим в ней—«старого знакомого» по имени—Товарищ Митинг.

Товарищ Митинг, порядком всем наскучивший, в тысячу первый раз пережевывавший набившие оскомину истины, вздумал обмануть отшатнувшихся от него слушателей, назвавшись Устной Газетой, но слушатели, в конце концов, раскусили проделку товарища Митинга.

Устная газета превратилась в митинг оттого, что ее руководители допустили величайшую ошибку, предоставляя участникам газеты право **импровизировать**.

Не обладая редким даром импровизации и не чувствуя театральной подоплеки устной газеты, участвующие в ней «тацовали от печки», говоря трафаретные слова об Антанте, Лиге Наций и гидре контр-революции.

Уважение к редакционной корзине!

В циркулярах об организации устной газеты, посланных нам из центра, говорится весьма подробно о штатах газеты, но, к сожалению, в этих циркулярах не упомянуто об одном, хотя и скромном, но чрезвычайно важном члене каждой редакционной коллегии, а именно—о редакционной корзине.

А между тем, только категорическим отсутствием этой последней и объясняется то горькое обстоятельство, что прекрасная и счастливая мысль об устной газете так скоро испошлилась, истрафаретилась и износилась.

Я настаиваю на том, чтобы в стройке устной газеты принимала равноправное участие также и редакционная корзина, искренно скучавшая по многим статьям и фельетонам, которые проносились мимо нее, белея в руках участников устной газеты, невозбранно спешивших на сцену.

Шапку долой перед старой, многие виды видавшей Редакционной Корзиной!

Не повторяйте импровизованного митинга; собирайтесь, любовно обсуждайте каждую строчку **специально написанных для устной газеты** статей и фельетонов, черкайте их красным карандашем, видоизменяйте, сокращайте, оживляйте их крепкими, ядреными вставками и ни на одну минуту не забывайте о честной Редакционной Корзине!.

Будем кричать!

История повторяется:

От волшебных ротационок мы пришли к способу печатания, придуманному Гуттенбергом, т.-е. к деревянным буквам; от «цинкографских кабинетов доктора Фауста»—к вырезыванию деревянных клише и от «двадцать девятого стереотипного издания» какой нибудь книги—к так называемой «заборной литературе», т. е. к вывешиванию и расклеиванию произведений печати.

Несмотря на то, что от этого стихотворения «Манифест», которым я начал свою статью, отделяют нас многие годы,—и теперь еще эта «картинка» может быть названа современной.

И в самом деле: во многих городах устную газету «делают» лишь в самых торжественных случаях:

Ждут какого-нибудь «Манифеста» и, дождавшись, собирают «кружок» слушателей—на мерцающий «огонек»...

Это—неправильно. Надо во что бы то ни стало придти к тому, чтобы устная газета «выходила» ежедневно.

Надо эту устную газету пропагандировать, надо приучить слушателей не пропускать ни одного номера газеты,—надо, вообще, втолковать им, **как мы дошли до устной газеты.**

***

В заключение я приведу мою грустную повесть о веселой устной газете:

Как мы дошли до устной газеты.

Цель моей заметки грустной рассказать вам, как мы дошли до газеты устной.

Ответить на это я не могу прямо, а начну, как говорится, с Адама.

Этому Адаму имя—Блокада, которая, как известно, суется, куда ей не надо.

Услыхала Антанта про большевистскую заразу и порешила, как бы чего не вышло, задушить ее сразу.

«Наложу, — думала Антанта, — на большевистскую Россию оковы и не буду ей выдавать товару никакого:

Пусть без меня, как знает, выворачивается и пусть она за свои красные проделки жестоко расплачивается!

Построила Антанта забор колючий, взяла для этого забора материал са-

мый лучший, как это за границей полагается, и написала:—Вход в Россию строго воспрещается!»

Нечего, товарищи, скрывать: много бед нам принесла блокада, но все-же не сбились мы с революционного лада, и, будь нам сказано к чести,—и при блокаде мы устояли на месте!

Мы не распускали нюни, а тесно жили в коммуне, и хоть того—другого не было в нашем хозяйстве,—все же не погрязли мы в ротозействе да в разгильдяйстве!

Отбиваясь от антантовских аттак, мы рассуждали так:

«Пусть Антанта бьет нас блокадой, а ты, русский рабочий, духом не падай:

От того, что не все в порядке паровозы, не ударяйся ты в слезы, а понатужься, ваше рабочее величество, и— уменьши больных паровозов количество.

Против блокады плохое средство ахи, да охи, от них не исчезнут антантовские подвохи: бодростью надо блокаду бить, только наша бодрость вышибет из Антанты прыть!

Антанта нам не дает бархата да шелка,—не зуди об этом без умолка, а на зло английскому танку,—выверни свой старый костюм на изнанку!.

Заруби себе, рабочий на темени:

Вся эта разруха до поры, до времени!

Мы весь мир нашим святым бунтом раскачали,—так в продранных локтях не много печали!

Мы столкнули с места всю Европу,— так сокрушаться о бахроме на штанах предоставим потомственному почетному остолопу!»

Приходила Антанта в ажиотацию, следя, как мы ведем в наших газетах агитацию, и думала: бумаги им хватит на три-четыре месяца, а потом большевикам придется повеситься!

А мы решили так: «Вы нам—политику бумагопустную, а мы вам—газету устную!»

Думала Антанта пресечь, из-за безбумажья, агитацию всякую, а я, вот, и без бумаги с вами о политике калякаю, пускаю за красной фразой фразу и попрежнему развожу «большевистскую заразу!»

Что нам кризис бумажный, ежели дух в нас отважный?

Не дает нам Антанта бумаги для газет,—мы победителями выходим из повых бед: не строим мы, газетчики, мину постную и грустную, а—создаем газету устную!

Ежели придется, будем ее читать каждый день к ряду: плевать нам на блокаду!

Не страшна нам Антанты политика гнусная, ежели у нас есть газета устная!

Так вот, товарищи, я и пришел к тому, о чем говорил вначале:

Да не будет в наших красных сердцах места тоске и печали!

Чтобы свалить империалистического гада, нам не помешает никакая блокада!

Эй, пошевеливайтесь, красные работники! Справляйте ваши бодрые воскресники, да субботники!

Видите, как собираются на лбу Антанты морщинки тревожные? Это от того, что гремят и гудят наши мастерския железнодорожные!

Смешны нам антантовские заборы! На пути к мировой революции открыты все семафоры!

По большевистским рельсам, Антанте на страх, поезд всемирного восстания мчится на всех парах...

А там, вдали,—призывно, празднично и юно,—маячит наша конечная станция:

«Всемирная Трудовая Коммуна!»...

**
*

История—повторяется:

Мы теперь пришли к тому, с чего начала «бабушка печатной газеты»— стародавняя устная газета, а именно, мы в наших устных газетах—

Кричим на всю Ивановскую!

Будем-же «кричать на всю Ивановскую» о том, что у нас «плохо лежит», —о нашей волоките, о бюрократическом начале в нашей работе, но с другой стороны, будем «кричать на всю Ивановскую»—о героях нашего нового, трудового фронта, о результатах наших начинаний в деле производственной пропаганды, о наших славных трудовых сводках и обо всем том, чем сильна и чем красна наша бодрая, неугомонная, советская жизнь!.

М. Пустынин.

Дорогу устной газете!

От обыкновенной печатной газеты,—к стенной. От стенной—к устной; от устной к световой, и наконец, от световой, к усовершенствованной устной газете, читаемой сразу в десятке городов при помощи усиленного звука радио-телефона,—таковы этапы развития газетного дела в Советской России.

Окруженная кольцов блокады, Советская страна, страдающая от безбумажья и типографского кризиса, с честью вышла из положения и вызвала к жизни такой суррогат газеты, который не только с успехом заменяет ее, но и во многом превосходит, являясь доступным для широких неграмотных российских масс.

Это—устная газета.

Устная газета—наиболее живое и современное издание, ловящее чутким радио-ухом и вмещающее на своих красных говорящих страницах самые последние события нашей нервной революционной эпохи.

Образцовая устная газета сопровождается световыми иллюстрациями, дающими возможность испещрять ее живые полосы лозунгами, диаграммами, каррикатурами и фото-снимками.

Устная газета имеет свой почтовый ящик, дающий моментальные ответы на все запросы читателей и тесно спаивающий чуткую аудиторию с редакцией живой газеты.

Трудовой союз красного журналиста, артиста, театральных подмостков и электрического света—вот редакция нашего нового советского органа.

Обнищалая, полуграмотная Советская Россия далеко обогнала культурный Запад в порыве революционного творчества.

Вооруженные пролетарской энергией и последними достижениями техники, мы понесем свет знания в самые медвежьи уголки нашей необъятной красной Республики.

Чутко будет прислушиваться вся страна от Черного до Белого моря к призывным и бодрым словам радио-устной газеты.

«Антанта нам политику бумагопустную, а мы ей газету устную»—вот лозунг и девиз вычерченный на полях нашего издания.

Дорогу новому Советскому детищу—яркой и ударной устной газете красного Сегодня!

И. Амский.

Устная газета будущего.

Устная газета будущего это—дочь высоко развитой техники коммунистического общества. Через десять, двадцать лет, а может быть и раньше будет казаться невероятным варварством трата такого огромного количества бумаги, краски, труда людей, вдыхающих вредную свинцовую пыль и слепнущих над наборами, только для того, чтобы в кармане каждого гражданина очутилась грязная, пачкающая руки тряпка, называемая газетным листом, из которого они узнают последние новости и которая будет потом выброшена на мостовую.

Устная газета будущего относится к такой современной газете—дочери тряпок и типографской краски, как аэроплан, переносящий нас в два часа из Москвы в Питер по воздуху, к допотопной повозке «беде», на которой еще и теперь разъезжают в какой нибудь Вологодской губернии с «быстротой» 4 верст в час.

Устная газета будущего, это беспроволочный телефоно - кинематограф всевозможных размеров от карманного до огромного, имеющего вид оркестриона для больших общественных собраний, с рупором.

Посредством этого прибора можно будет соединиться с любой редакцией в каком угодно пункте земного шара. Но редакция будущего не будет иметь ни бойких передовиков, ни борзых хроникеров. Редакции будущего—это только громадные резервуары текущей жизни, такой, какая она есть, запечатлевающие эту жизнь на кинематографической ленте и граммофонной пла-

стинке и группирующие их по известным рубрикам.

Устная газета будущего не поучает, не рассказывает, не доказывает, а только показывает.

Утро.

Вы проснулись в своей спальне будущего коммунистического общежития, обставленной с такой сказочной роскошью, о которой не снится даже современным миллиардерам. И вот вы хотите прочитать, или точнее сказать, видеть и слышать устную газету.

Ничего нет легче. Вы берете трубку беспроволочного телефона, висящую у вас над изголовьем и соединяетесь с редакцией местной газеты.

— Алло! Какие последние новости?

— Выборы городского совета в Париже! Всемирный праздник труда в Лондоне! Основание грандиозного Советского хозяйства в Бразилии! Землетрясение на острове Борнео! Интересная лекция о памятниках капиталистического века, прочитанная в Лондонском университете! Новая симфония знаменитого композитора Марионелли!

Вы нажимаете кнопку кинематографического аппарата, представляющего собою что то в роде большого шкафа с рупором сверху и экраном по всей передней стенке, и вы по желанию, видите и слышите все то, что происходит на выборах городского Совета в Париже, вы невидимо присутствуете на празднике труда в Лондоне, вы слышите грохот вулканов на острове Борнео!

И если вам некогда, вы можете отложить чтение и просмотр своей устной газеты до ближайшего перерыва после работы в вашей мастерской, до обеда в общественной столовой, или в столовой вашего общежития.

Ибо во всех общественных местах и учреждениях будут находиться те же кино-фото-фоно-устные газеты, больших или меньших размеров.

Вечерние или экстренные новости—бюллетени вы можете узнать даже на прогулке посредством своей карманной кино-газеты.

Одна из удобных сторон этих кино-газет будущего века, это—то, что в них не будет тягучих передовиц, обрабатывающих общественное мнение в желательном направлении.

Будущий читатель не будет нуждаться в такой идейной жвачке. Из того, что он увидит и услышит в своей кино-газете, он сумеет и сам сделать все нужные выводы...

Другое удобство этих газет будущего, это—то, что ими не будет показаны своим читателям только отрывочные уголки жизни, переломленные через недобросовестную или невежественную призму современной газетной кухни. Вся жизнь во всей ее пестроте, во всем ее разнообразии будет отражена в правдивом зеркале кино-газеты будущего. И только от читателя и зрителя этой газеты будет зависеть выбор интересующего его материала.

А это уже много значит..

Алексей Горшок.

НАШИ АГИТВЕЧЕРА.

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК.

(Вступительное слово).

I.

Я расскажу вам чрезвычайно интересную историю о том, как витебское отделение Роста пришло к своему первому агитационному вечеру.

В то время, как во многих городах Советской России уже существуют организованные местными отделениями Роста устные газеты,—у нас, в Витебске, эту форму пропаганды испробовали все политические и агитационные организации, кроме Роста.

Объясняется это тем обстоятельством, что витебское отделение Роста по вопросу об устных газетах оставалось «при особом мнении», считая, что устная газета должна быть не только пересказывающей «своими словами» печатную газету, а совершенно новым, невиданным, своеобразным типом газеты, не случайно, как птица,—в комнату, залетевшей в театр, а связанной с театральными подмостками, с театральными кулисами крепкими и неразрывными узами.

Изучая литературу об устных газетах, мы видим, что эти газеты, перенесенные в театр, не имели с ним общих корней, а напоминали собой переносные фикус или пальму, расцветшие в знойных странах, пересаженные в кадки и очутившиеся в пышном зале европейского ресторана.

Нам устная газета мыслилась не **гостем театра**, а **другом театра**.

Мы стремились к тому, чтобы устная газета была, так сказать, **к лицу театра**, и потому мы немного запоздали с устройством нашего цикла устных газет.

Есть такая сказка: «Теремок». Все вы ее, конечно, хорошо знаете. По канве этой популярной сказки я хочу вышить перед вами узор нашей работы по организации серии агитационных вечеров витебского отделения Роста.

В Терем-Теремок, на котором висела вывеска: «Витроста», робко кто-то постучался.

— Кто там?—спросили мы.

— Откройте! Это я—старик - Театр! Я сбился с пути.. Я ушел от «Без вины виноватых», от «Сестры Терезы», от «Двух сироток» и заблудился.. Я много знаю... Приютите меня... Может быть, я вам пригожусь!

Нам понравились искренние слова старика-Театра и мы впустили его в наш агитационный Терем-Теремок.

Не успели мы расспросить старика о подробностях его театральных мытарств, как услышали новый стук.

— Кто там?—спросили мы.

— Откройте! Это я—Концертное Отделение! Впустите, ради бога. На дворе пурга.. Завывает ветер. Я—в одном декольтированном бальном платье. Я все дрожу..:

— А вы не будете на нашем агитвечере петь: «Я влюблена в одни глаза»?

— Не буду.

— А вы не будете играть «мазурку Венявского?»

— Не буду.

— Ну, тогда—милости просим!

Не успели мы, как следует, рассесться, как в дверь нашего Теремка раздался нетерпеливый стук.

— Кто там еще?

— Это я.—Кинематограф! Сейчас-же откройте! У меня есть очень интересные фильмы! Наш заведывающий привез из Москвы. Что-то замечательное!..

Не открывая дверей, мы недоверчиво спросили:

— А не принесли-ли вы с собой картину: «Семейство негров Мичи-Пичи первый раз принимает ванну. Гомерический хохот?»

— Ну, если вы так говорите, так я вам признаюсь: фильмочки мои, действительно,— «немножечко с прошлым», но зато ко второму вашему агитвечеру я приготовлю «самую последнюю кино-хронику».

Честность Кинематографа тронула нас, и мы впустили его в Теремок, по-

лагая, что теперь уже нас никто не потревожит.

Но мы ошиблись; через минуту раздался новый стук.

— Кто там?

— Это я—Волшебный Фонарь! Я валялся в пыли, всеми забытый, целых три года... Впустите меня..: Я принесу вам большую пользу. Я еще пригожусь устной газете!..

Хоть и тесно было в нашем агитационном Теремке,—все же мы впустили и этого запоздалого путника, исходя из нашего неизменного положения:

— Ни одна блоха не плоха: все черненькие, все—прыгают!

Роста всех стрижет под одну агитационную гребенку: и Театр, и Кино, и Волшебный Фонарь—все они должны работать,—одни в качестве артистов, другие в качестве статистов,—в театре гражданской и производственной войны.

«Быть никто не смеет дома!»

Как не должно быть в наше время дезертиров труда, так и не должно быть дезертиров агитации: всему тому, что тайно содержит в себе агитационный яд, агитационную заразу,—Роста властно говорит:

— Ваш выход! Пожалуйте на сцену!

Все, что не окончательно погибло в агитационном смысле,—Роста берет за ушко да на солнышко и выводит на свежую воду, согласно своему давнишнему правилу:

— Все, что есть в агитационной печи,—на подмостки мечи!

И театр, и кино, и волшебный фонарь и устная газета, согласно приказу Роста, группируются в отряд особого **агитационного** назначения и срочно приводятся в боевой порядок.

Ничего вчерашнего, ничего знакомого, ничего выученного наизусть еще в детстве не должно быть в **«повестке вечера»** Роста!

Все обветшалые уголки театра, все замусоленные фильмы кино, все устные газеты, сбивающиеся мало по малу на печатные,—должны быть электрофицированы, т.-е. выбиты из колеи традиции, ничего не говорящей ни уму, ни сердцу, и залиты потоками полемического, политического и сатирического света.

Попытку такой электрофикации и надеется сделать витебское отделение Роста, приступая к серии своих агитвечеров.

***

Приступая к серии наших агитвечеров, где система электрофикации всех разветвлений искусства должна быть применена в самой высшей мере, мы натолкнулись на меньшевиствующих пессимистов, которые уверяли нас в утопичности нашей затеи.

Но их пессимизм нас не смущает: в нашем тесном агитационном Теремке мы часто вспоминаем о тех черных годах самодержавия, когда эта идея электрофикации страны также применялась своеобразным путем.

Наряду с коптящей лучиной закабаленного помещиком батрака, наряду с чадящей лампочкой прозябавшего в гнилом подвале рабочего—по табельным дням, с наступлением вечера, по всей России, по многим ее городам и городишкам, зажигались электрические лампионы:

«Боже, царя храни!»

Так **электрофицировал страну** Николай Второй, но та электрофикация, к которой гигантскими шагами идет Советская власть, всеми своими лампионами будет кричать, конечно, не «Боже, царя храни», а:

«Боже, от царя нас храни!»

И наш Терем-Теремок, который должен представлять собою агитационную электрическую станцию,—разумеется, не такой мощности, чтобы быть включенной в число двадцати-семи кардинальных станций Советской России,—будет зажигать этот световой лозунг:

Боже, от царя нас храни!»»

не только по праздничным, но также и по будничным дням.

Электрофикация—родная сестра Агитации, и рядом с историческим отныне техническим плюсом Ленина, мы ставим наш агитационный плюс.

Сегодня наш Терем-Теремок битком набит теми, кто пришел нам на помощь: электрическим током через всех нас проходит желание по мере сил служить высокому делу агитации.

Нам тесно, нам неудобно, но бодро и весело гудит наше агитационное динамо, наша терем-теремочная «Шатурка», посылая в витростовскую устную газету—театральную, концертную, «волшебную», кинематографическую и художественную энергию!

Михаил Пустынин.

О стенной газете, об обывателе и еще кое о чем.

Особая популярность укрепилась за стенной газетой «Роста» с того дня, как в ней было опубликовано распоряжение о ликвидации частной торговли. В тот день газету «Роста» читали все жители города, не только грамотные, но и безграмотные. Да, да: безграмотные. Я сам видел, как одна женщина прибежала с базара, взволнованная, с каплями застывшего пота на лбу. В дрожащих руках она держала связку ключей, а глаза блуждали по черным квадратикам газеты.

— Люди добрые,—спрашивала она у людей, тесным кольцом окруживших газету,—где тут о торговле сказано?

— Без глаз, что ли,—недовольно буркнул стоящий рядом красноармеец,—вот ясно написано, что торговать нельзя. Конец, значит, вашей жадности.

— Так, так,—про себя произнесла женщина. И дрожащими пальцами щупала то место, где «ясно написано, что торговать нельзя». Безграмотная женщина первый раз в жизни читала газету. Со скрежетом зубовным, с ненавистью, с проклятьем...

Не менее популярна была «Роста» в те дни, когда шли переговоры между Советской Россией и белой Польшей.

Лавочники, маклера, базарные торговки осаждали газету еще до того, как наклейщик прикрепил ее к стене. Читали вслух, подробно останавливались на каждом слове, на каждой фразе.

— Что же, про Белоруссию так-таки ничего нет?—не выдерживает, наконец, солидная обывательская фигура, поблекшая от обязательной трудовой повинности.

— Да, дожидайся,—иронически отвечает сосед.

И дождались, черт возьми. Белоруссия осталась Советской. Витебск тоже.

Узнав об этом, обыватель газетой перестал интересоваться. «Роста» потеряла изрядное количество своих поклонников. Бывали дни, когда—увы!—совершенно забывали про ее существование.

Впрочем, стенной газеты, и вообще Советских газет не долюбливают и по другим, довольно основательным соображениям.

Советской газеты не любят, потому что она на стене.

— Порядок ли это?—брюзжит вчерашний солидный хозяин,—чтобы я рядом с мальчишками и полуграмотными бабами стоял около стены? То ли дело в доброе старое время, когда, бывало, почтальон принесет тебе «Биржевку», а ты ее читаешь распивая кофе, во время обеда и ужина, да и, засыпая, ею от мух укрываешься? Удовольствие, да и только!

Поверите ли, что добрая половина наших «спецов» из-за отсутствия газет долго не засыпают, а то даже страдают бессонницей, спят тревожно, чего раньше, во дни «Биржевки», не было.

Да, да, медицина должна ставить себе задачей придумать что либо вроде суррогата «Биржевки» для сна, от мух. Ох, как мухи этим летом кусались!..

Есть и другие соображения, не говорящие в пользу наших Советских газет.

— Скажите на милость, что за газеты такие пошли,—жалуется мне базарная торговка,—на стене расклеивают, не во что и селедку завернуть; спрашивают у меня газеты для кухни, для клейки окон, для других надобностей, а я откуда эти самые газеты возьму? То ли было раньше...

И она с тоской вспоминает длинные простыни «Русского Слова» и «Биржевки», которые пудами и десятками пудов шли на разные кухонные надобности.

Впрочем, в защиту стенной газеты должен сказать, что она при известных условиях и при определенном напряжении может из стенной стать карманной и даже,—о, чудо!—как в доброе время «Биржевка», защищать читателя от мух и прочих назойливых насекомых.

Я знаю одного человека, который систематически «берет» газету «Роста» к себе домой. Этот человек облюбовал себе забор на дальней улице, который его ежедневно снабжает газетой.

Делает он это вечером. Осматриваясь кругом, убедившись, что никто за ним не следит, он наскоро срывает газету и сует в карман.

Газета уже прочитана, но он, старый подписчик и любитель «Биржевки», должен иметь **собственную** газету. Вы понимаете? Собственную! Чтобы можно было широко использовать ее на кухонные надобности и вообще похвастать, что «у меня мол, **своя** газета».

Другие достают стенную газету иным, более легким путем. Некоторые волокитствующие чиновники умудряются получать стенную газету «Роста» на дом. Как им удалось это устроить, единый Аллах ведает!

Такого чиновника легко узнаете по походке, по выражению лица, когда он проходит мимо расклеенной газеты. Тут толпа толкается, жадно читает, а он гордо, с выражением собственного бюрократического достоинства, проходит мимо толпы, мимо газеты, не удостаивая их ни взглядом, ни вниманием. У него **своя** газета, без которой обед не в обед, сон не сон! Ему что «Биржевка», что «Роста», была бы лишь **своя** газета, усиливающая аппетит, услаждающая сон, успокаивающая, убаюкивающая!

Там далеко, где то, кто то борется, трудится, созидает, страдает, рвется вперед; ему все равно: был бы лишь во время обед, был бы аппетит, не кусали бы мухи...

Рядом с этим дряхлым, отмирающим, по своей «Биржевке» тоскующим, читателем на наших глазах растет, уже вырос новый читатель от сохи, от станка, дитя сырых подвалов, душных заводов, красной казармы.

Малограмотные, еле разбирая, они с любовью следят за стенной газетой, за живым, ярким словом, пламенеющим на стенах, на заборах, на ставнях магазинов.

Прошло то время, когда барин с почты получал газеты пачками и читал их для того, чтобы знать, как дела на бирже и кто на бегах отличился; прошло то время, когда живое слово было собственностью бар, барынь, краснобая, праздношатающегося.

Крылатое революционное слово, сильное, бодрящее, рассказывающее о чудесах борьбы, побед, грозного переустройства мира и жизни—вольно, как птица.

Новое слово победно несется из города в город, из дома в дом, от сердца к сердцу.

Не знает оно преград, не страшится рубежа.

Оно сильно, оно грозно, оно непобедимо!

М. Осипович.

НЕ ПО ПУТИ*).

Старая и Новая Печать.

Старая Печать (старуха, с лицом ведьмы; обвешана отрепьями старых буржуазных газет, свисающих пожелтевшими лохмотьями. Публике отчетливо видны некоторые заглавия газет: «Новое Время», «Русское Знамя», «Земщина», «Биржевые Ведомости». Через плечо—котомка с надписью: «Назад»).

Новая Печать (парень в красной рубахе, в руке у него связка красных газет, свернутых в виде факела. На свертке видны названия: «Правда», «Красная», «Беднота», «Деревенская Коммуна». Говорит звучным голосом, вдохновенно).

Действие происходит у пограничного столба, на котором две надписи: «Во Францию» и «В Советскую Россию».

Новая Печать.

Куда ты, старая?

Старая Печать.

В Париж, мой дорогой...
Там люди вежливей и воздух там другой...
Владимир Бурцев мне по делу очень нужен...
Он с Клемансо на ты и с Мильераном дружен...
Скорей, скорей к нему! Я не могу молчать!
Ты знаешь-ли, кто я? Я—белая печать!
Воспитывалась я на денежки банкиров;
Я—друг лентяев всех и всех труддезертиров!
Что души мне людей? Души я не ищу,
Душа, известно, пар. Я—пятки щекочу:
Я знаю: мудрый есть у человека разум,
Но волю я даю баюкающим фразам
И человек уж мой... Душа в нем чуть жива...
И—засыпает он под мирные слова...
И я ему шепчу, его смущая думу,
Про Го-су-дар-ственную Думу;
Про то, что лучше бы, минуя красный ад,
Вернуться нам назад, назад, назад!..
Читатель сладко спит, но спать я не желаю,
Я тех, кто спит, учу: «Вернитесь к Николаю,
К опричникам его, к его крутым кнутам,
К помещикам, баронам, господам!..
О равенстве мечтам и о свободе—крышка!
Да здравствует Распутин Гришка!
Вы—помните те дни: с изюмом ситный был,
В зародыше еще был красных ратей пыл,
Страною правил царь с его дворянской знатью

*) Отрывок из пьесы, поставленной на 1-ом агитвечере Витроста.

И были бублики—какие!—с се-ми-татью!!!
Неведом никому был против бога бунт,
А соль была—копейка фунт!..
Читатель—спит, а я про старые порядки
Твержу и щекотать не забываю пятки:
— «Пирожные забыл? Всего копейки три,—
Снаружи трубочка, а сладкий крем внутри..
А помнишь ты халву? Орехи в шоколаде?
Ты это не забыл? Ответь-же, бога ради:
Ты хочешь, чтобы те вернулись времена?
Чтоб под царем опять воспрянула страна?
Чтоб снова тишь да гладь объяли всю Россию?
Чтоб снова мещанин вошел в свою стихию?
Ведь, выбит ты совсем из мирной колеи.
Развеялись, как дым, привычки все твои,
А наш святой пароль, наш лозунг гражданина:
Уютная герань и теплая перина!
Нет, друг мой, красных жизнь неслыханно груба.
За милый старый мир да здравствует борьба!..
К чему идти вперед? Топтание на месте,
Поверь, старухе, мне, спокойнее раз в двести:
Подумай: ясно все, как солнца алый диск,
А там—дерзания, опасности и риск!
Лишь глупые бегут к обрыву без оглядки!..»
Так нежно я чешу читательские пятки...
Но по секрету я скажу тебе: у вас,
По грубости, моих не оценили фраз,
И не имела я успеха никакого...
В России больше я уж не скажу ни слова!
Читатель русский—сер, и все мои слова
Доходят до души его едва-едва...
Готовлюсь я—в Париж, пожитки собирая...
«Ах, Франция... Нет лучше в мире края!..»

Красная Печать.

Дорога скатертью! Иди себе, карга,
Ни богу свечка ты, ни черту кочерга!
Плетись, беззубая, ты в чуждую сторонку,
И вот, что я тебе, карга, скажу в догонку:
Нет! В дружбе нам с тобой уже вовек не жить:
Баюкать хочешь ты, а я хочу — **будить!**
Нашептываешь ты о днях минувших сказки,
А я снимаю с глаз обманутых повязки,
И к солнцу новых дней я обратил чело:
Тому уж не бывать, что было и прошло!..
Довольно тишины! Сидеть не время дома,
Когда кругом гудит призыв набата-грома:
«Вставай! вставай! вставай! Забудь про тишь да гладь!
В такой великий год преступно мирно спать
И видеть чудный сон... Нет! К черту сновиденье!
Да здравствует—всех снов осуществленье!
Во сне мы видели восстание страны,
Но время воплощать настало эти сны!
Товарищи, У вас должно быть все готово,
Чтоб жизнью сделать мир виденья золотого!

Сойти на землю сон имеет все права...
Эй! Засучите рукава!
Носите кирпичи! Киркой вооружитесь!
К работе напролом неудержимо рвитесь!
Сомнение из сердца вырвем вон
И нам навеянный давайте строить сон!...

За сценой—звуки молота о наковальню.

Ты-ж убирайся прочь в порыве обалделом:
Мы заняты—ты слышишь?—делом, делом!
Прощай-же, старая... Во Францию бреди...:
Банкиры ждут тебя, старуху, впереди,
Мешками с золотом узывчиво брящая...
Спеши к ним, чтоб начать стучаться в двери рая
Самодержавного; чтоб, ревностью горя,
Достукаться тебе до батюшки-царя!..
Мечтаешь тайно ты: «Мы с «батюшкой» воскреснем»...
Проклятие твоим баюкающим песням!
Читателям своим пой «Баюшки—баю»,
А я своим «Вставай!»—набатно пропою!..
Читатель твой всегда спал, сном завороженный,
А я кричу:—«Вставай, проклятьем заклейменный!»
Ты видишь, старая—протри свои глаза—
Какая славная встряхнула мир гроза!..
Все старое она прочь вырывает с корнем!..

За сценой хор рабочих стройно поют трудовую «Дубинушку».

Рабочие поют великое «Поддернем!»...
В них бодрость бьет ключем, твоим друзьям на страх:
Ведь, будущее—в их мозолистых руках!
Хоть и богата ты, но ты душою нища.
Трепещут красные под ветром полотнища
И с песнями идут товарищи туда,
Где равенства огни, где пиршество труда,
И против старых пут всех призывают к бою...
Прощай, старуха: нам не по пути с тобою!...

С красным знаменем в одной руке и со свертком пролетарских газет, напоминающих факел, в другой, спешит присоединиться к поющим за сценой товарищам. Трудовая «Дубинушка» звучит все громче и радостнее...

Согнувшись в три погибели, старуха, поправляя котомку с короной, все вываливающейся, медленно двигается в сторону, о которой на пограничном столбе сказано: «Дорога во Францию».

Занавес медленно падает.

П. Михайлов

Конь Блед.*)

Кто скачет, кто мчится в ночной тишине?
То—Савинков Боря на бледном коне..
Задумался всадник; лица на нем нет..
И чем то встревожен под Борей Конь Блед:
В глазах его рдеет недобрый огонь,
И молвил, нежданно, встревоженный конь:
— «Довольно! Мне стыдно бывает до слез,
Лишь вспомню, как я к Колчаку тебя вез..
Гроза бушевала.. И было темно..
В отчаяньи, в страхе кричал ты мне: «Нно!»
Я помню побои твои до сих пор
И—раны от в тело вонзившихся шпор!..
Но—тщетно все было: расстрелян Колчак,
Разрушили красные белый очаг..
«Верховный» Колчак—очутился на дне!..
К Деникину, помню, ты ездил на мне..
Меня, по дороге, хлестал ты кнутом..
А помнишь, несчастный, что было потом?
Побили Денику, он—к туркам удрал,
Оставил тебя в дураках генерал!..
Хоть было сердечко твое смущено,
Но все ж я услышал знакомое: «Нно!»
Меня ты пришпорил, воскликнув: «Летим!»,—
И рысью невольной я мчал тебя в Крым..
И там неудача вас, белых, ждала,
И скверными стали барона дела:
Под красных победно-встревоженный гул,
Убрался фон-Врангель из Ялты в Стамбул!..
Затем покорил тебя батько Булак:
Ты верил в его всемогущий кулак,
Но веры твоей был развеян туман,
И красными твой был разбит атаман!..
Мой всадник! Есть совесть еще у меня:
Тебе уж не лошадь я с этого дня..
Когда то ты верил в свободный народ,
Теперь ты—в деникиных веришь, урод!..
Где, Боря, твой пламень? Где—страсть прежних лет?
Стал больше, чем Боря, эс-эром—Конь Блед!
Над станом эс-эрским я чую грозу,—
И больше я вас на себе н-е в-е-з-у!!!»
Пристыженный всадник с коня соскочил,
Хоть был ему конь и отраден, и мил..
Звеня стременами, умчался Конь Блед,
И Боря печально глядел ему вслед...

Дарвалдай.

---

*) Из цикла декламационных номеров, специально написанных для агитвечера Витроста.

Театр Революционной Сатиры.

Витебское отделение «Роста», расширяя свою агитационную деятельность, выражавшуюся в издании и распространении иллюстрированных плакатов, журналов и листовок, отвечавших злобе политического дня, перебрасывает свою работу также и на подмостки театра.

В то время, как все виды агитации—листовки, прокламации, лозунги, плакаты, сборники, брошюры и журналы—служили делу революции, отражая политические злобы,—театр жил «допотопной» жизнью мелодрам и комедий, написанных задолго до революции, в обстановке «мирного житня».

Все, что давал народу театр за эти три года, было почерпнуто не из жизни,—кипящей, живой и трепещущей,—а взято «из другой оперы», со всеми ее «старомодными» мотивами, написанными для «почтеннейшей публики», большею частью приезжавшей в бестревожный, в «нестрашный» театр с единственной целью: для пищеварения.

«Из другой оперы» были и «прошлогодний» репертуар театра, и все его приемы игры и весь темп его постановок: **Сегодняшний день** милостиво впускался только в фойе театра, в раздевальные, в курительные, в зрительный зал, где на тысячу ладов, во время антрактов, обсуждались текущие события, но ему не разрешали перешагнуть через грань, разделявшую зрительный зал от театральных подмостков, и это он, Сегодняшний День, был в числе лиц, коим «вход на сцену строго воспрещается,..»

Театр Революционной Сатиры имел дерзость уверенной рукой сорвать замусоленную и вылинявшую надпись: «Посторонним лицам вход на сцену строго воспрещается», открыл дверь, ведущую прямо на подмостки, где в это время репетировалось нечто «прошлогоднее», и крикнул, обращаясь к рыцарям мотивов «из другой оперы»,—так, что задрожали кулисы:

— Позвольте вам выйти вон!

И вот, вместо «приличных» пьес, предназначенных для наших прабабушек, стали репетироваться, написанные «под горячую руку» номера, пропитанные ядом революционной сатиры, и из пыльного театрального архива стали выволакиваться на свет божий и треуголка Колчака и пышные эполеты Врангеля, и парадный мундир Булак-Балаховича и бандура атамана Петлюры...

Все, что есть в революционной печи,—на подмостки мечи!

И недаром театр Революционной Сатиры своим символом выбрал, отбросив «маски» и «котурны»,—простую метлу.

Она не будет праздно лежать в театральном углу, затянутая паутиной; эта метла будет гулять по головам белогвардейцев, сшибая с них большие и малые короны, и под ее острые прутья попадет все, что лежит на красной дороге, мешая по ней шествовать работникам Революции..

В заключение я приведу свой приказ актерам Теревсата.

Приказ актерам Теревсата:
Чтоб жизни сор смести до тла,
Для вас всегда пусть будет свята—
Обыкновенная метла!

Побольше смелости и прыти!
Торжествовать не дайте злу.
Всех черносотенцев берите
Вы—под советскую метлу!..

**
*

Пусть жалят ваших метел прутья
Всех, кто на гибельном пути,
Всех тех, кто стал у перепутья,
Не зная, в стан какой идти!

**
*

Метите, не боясь злословий,
С душою красною насквозь.
Метла! Как много в этом слове
Для сердца нашего слилось!

**
*

Под ней юлой катись, корона,
И цепи рабства, и бичи,
И царский кнут, и щепки трона...
Все—в яму, Теревсат, мечи!..

**
*

Не церемонься с сора грудой,
Все, что не красное,—долой!
Всегда, без устали, орудуй
Ты сатирической метлой!

**
*

Бодрей, актеры Теревсата,—
В неостывающем пылу,
С душой, что творчеством объята,—
За Революции Метлу!

**
*

И вдохновенно, и охотно
Вы со двора метите сор:
В руках того метла почетна,
Кто охраняет—Красный Двор!..

**
*

Вы черносотенную мерзость
Сгребайте в выбоины ям!..
За теревсатовскую дерзость
Дружней бороться надо нам!

**
*

Театра крепость нами взята
За то, что бились горячо...
Итак, актеры Теревсата:
— «Равняйсь!» И—«Метлы на плечо!»...

Мих. Пустынин.

НАША ШКОЛА ЖУРНАЛИЗМА.

Школа газетных работников.

Вопрос о создании кадра газетных работников в провинции стоит весьма остро. Провинциальная печать поставлена плохо благодаря полному отсутствию технических работников.

Не вдаваясь в причины этого печального явления, мы должны спросить себя: как создать этих работников? Нужно их подготовить! И делать это надо немедленно, ибо жизнь не ждет: слишком велики и ответственны стоящие перед печатью в настоящий момент задачи, чтобы медлить.

Этих работников нам даст хорошо поставленная школа журнализма. Школа может быть двоякого рода: высшей,—имеющей целью выпускать вполне ответственных журнальных работников, руководителей Советской печати, и низшей,—для выпуска технических газетных работников - корреспондентов, репортеров, выпускающих и т. д.

Высшая школа—институт журнализма—пока учреждена лишь в Москве при Центророста и в Петрограде; в губернских городах должны быть открыты школы для подготовки технических газетных работников.

Школы эти оправдают наши надежды лишь тогда, если оканчивающие их курсанты посвятят себя исключительно газетной работе.

Курсанты должны делегироваться в школу от профсоюзов, РКСМ, редакций и обязываться подпиской заняться газетной работой по окончании.

Курс школы рассчитан на 3 месяца, в течение которых слушатели занимаются как теоретически, так и практически газетным делом. Хотя школа имеет чисто специальное назначение—подготовить «специалистов» газетного дела, однако, и технический работник печати должен быть вполне сознательным членом газетной ячейки, должен иметь ясное представление о работе всего газетного аппарата, о программе, значении и заданиях Советской печати.

Исходя из этого бесспорного положения в программу основного курса губернской школы должна быть введена общая часть, которая обнимет собой изучение следующих понятий: печать, как фактор развития и организации классового мнения, направление и тон газеты, пресса буржуазная и пролетарская, типы Советских газет, общий обзор отделов газеты, внешняя техника, общие положения «теории словесности».

Специальная же часть программы даст необходимые сведения по вопросам информации и газетной техники в тесном смысле и имеет целью всестороннее изучение газетной работы.

При прохождении специального отдела преимущественное внимание должно быть уделено практическим занятиям.

Курс практических занятий следует, как показал опыт школы при Центророста, распределить между тремя преподавателями: специалистом по статьям (публицистом), специалистом по репортажу и специалистом по газетной технике. При этом нужно отметить, что чисто лекционным может быть преподавание лишь общей части программы; при преподавании специального отдела лекционный метод должен чередоваться с классной дискуссией, поверочными вопросами и т. д.

В школе газетных работников учащиеся должны получить и некоторые общие познания: основы экономического материализма, историю политических партий за-границей и в России, знакомство с Советской конституцией, конституцией, с задачами и работой важнейших Советских учреждений.

При такой организации школы можно надеяться, что провинциальная печать в короткий срок пополнится значительным кадром газетных работников, усилиями которых она будет поднята на должную высоту.

Лев Маркович.

От газеты-лавочки к газете знамени.

(Отрывок из лекции).

Буржуазные газеты, в отличие от наших, имеют характер чисто—коммерческий.

У нас—газета—знамя; у них—газета—лавочка.

Письменный стол редактора буржуазной газеты—напоминает собою прилавок, на котором расставлен литературный и сенсационный «ходкий товар», предназначенный «для почтеннейшей публики».

Не довольствуясь доходом, получаемым от помещенных в газете объявлений, издатели-лавочники придумывали всякие способы увеличить свой капитал путем «бесплатных приложений», права на вход (единственный раз!) в театр годовым подписчикам и в цирк—полугодовым или путем выдачи купона на выигрышный билет третьего займа и на столовый сервиз из чистого серебра 84-й пробы тем из читателей, кои состоят подписчиками втечение пятнадцати лет.

Буржуазная газета иногда давала своим читателям интересную статью, но... «не в статье была там сила», а в тех объявлениях об усовершенствованных брюкодержателях или о новом способе, радикально искореняющем веснушки или красноту носа, которыми эта интересная статья сопровождалась.

«Гони монету!»—это было вечным лозунгом буржуазной газеты, которая из сил выбивались, выдумывая все новые и новые приемы уловления читателя.

«Любезного читателя» старались не тревожить, не волновать, не осведомлять ни о чем таком, что могло вывести его из состояния покоя и равновесия; замалчивались стачки, забастовки, восстания, но зато «вкусно и горячо подавались» сведения о том, как живет и работает его императорское величество, как он, в часы досуга, читает вслух императрице Гоголя и очень одобряет...

Буржуазная печать стремилась усыплять многоуважаемого читателя уверениями о том, что «на Шипке все спокойно» и занималась, собственно, тем, что нежно чесала читательские пятки на сон грядущий...

И успокаиваемый буржуазной прессой, убаюкиваемый ею читатель относился к выписываемой им в рассрочку газете следующим образом:

— «Ха-а-рашо, это, после сытного обеда растянуться на кушеточке с газетой в руках... Тут Италия чем-то недовольна, там Китай брыкается, там Швеция не допускает, там Норвегия не пропускает... Одно удовольствие!»

Глаза уже не слушаются... Хочется спать... Обед был такой вкусный... И вот, чтобы отдалить сладкую минуту сна, чуть-чуть борешься со сном, и закрывающиеся от усталости глаза прыгают по политическим событиям, а ум превращает эти события в гурьевскую кашу...

Месопотамия... Филадельфия... Капитан Кук... Обед был такой вкусный... Глаза окончательно закрываются... Обыватель не бросает газету на пол, а прикрывает ею свое лицо от летних мух...

— «Хорошо!.. Милый обед... Милая газета!»

Но в то время, как буржуазная газета была хороша, как средство «на сон грядущий»,—наша, красная газета, стремится, наоборот, рассеять обывательский сон, растормошить обывателя и насказать ему много горьких истин.

Наша красная газета призвана не нянчиться с почтеннейшей публикой, не носиться с ее капризами, как с писаной торбой,—наша, красная, печать призвана говорить обывателю «дерзости», ставить его на черную доску и твердить ему, время от времени:

— Позвольте вам выйти вон!

Буржуазная печать делала господину обывателю глубокие реверансы; красная печать, не заинтересованная в том, чтобы получать от господина обывателя подписные денежки, торжественно и всенародно дает ему «по морде».

Каждый номер нашей красной газеты это—полновесная пощечина го-

сподину обывателю и, как ни сердился вначале этот обыватель, но в конце концов, и он должен был признать, что эти пощечины наносятся ему не даром!

Красная газета била обывателя за саботаж, за ожидание Деникина, за слухи о том, что завтра здесь будут венгерцы, послезавтра—марокканцы, а через неделю—сенегальцы—«из самых достоверных источников».

Красные газеты систематически портят настроение господину обывателю, расстраивают ему желудок и обывателя, действительно, раздражает «этот красный листок» нашей газеты, как быка раздражает лоскуток красной материи.

А «красный лоскуток материи»—наша бойкая газета, день и ночь долбит обывателю одно:

—Не спите, не занимайтесь тем, чтобы «убивать время», «не живите помаленьку!» Вокруг так много небывалого, так страшно интересно жить; посторонись же, обыватель, не заслоняй красного солнца своей знаменитой белой булкой, о которой ты так жадно, так неутомимо, так страстно мечтаешь!..

Кровавый фронт войны—ликвидирован; отойдет в прошлое и бескровный фронт напряженного труда; но фронт войны с обывателем, с мещанином, с тем, чья хата с краю и чья религия—«день да ночь—сутки прочь»,—долго еще должен греметь и потрясать основы «мирного жития», и на этот фронт борьбы с обывателем красные газеты должны бросить все свои наиболее испытанные литературные отряды!..

Мих. Пустынин.

О верстке, игре шрифтов и прочем.

(Из лекций в школе газетных работников Витроста).

Много говорят все наши инструкторские странички и страницы о верстке газет, о необходимости упорядочения этого дела, о придании нашим изданиям живого, яркого вида; но совершенно ясно, что все эти благие пожелания останутся на бумаге до тех пор, пока многочисленные инструктора всех рангов не потрудятся немного глубже вникнуть в разбираемый вопрос.

Ведь все дело заключается в том, что пишут то инструкции фактически для наборщиков—метранпажей, потому-что не только опытный выпускающий, но и ученик этого дела—неслыханная роскошь для Советской провинциальной газеты.

Так что, выходит в конце концов, что инструктировать фактически некого, потому что в большинстве губернских городов, я уже не говорю об уездных, верстка находится в руках ментранпажей, делающих газету по своему усмотрению.

И я смело берусь утверждать, что во всей Советской России мы не найдем метранпажа, интересующегося «Красным Журналистом», и «Инструкторской страничкой»».

Инструкции по верстке—вещь необходимая и нужная, но в первую очередь, необходимо подумать о создании кадров газетных техников, без которых никакие инструкции в жизнь проведены быть не могут.

В результате чего, газеты начинают походить на простыни с безобразными переносами и уродливым сочетанием шрифтов.

***

Много пишут о необходимости создавать в газетах и плакатах при верстке «игру шрифтов».

В провинции эта «игра шрифтов» превращается в довольно своеобразную картинку.

Метишь на рукописи или при верстке размер шрифта, лозунга или заголовка, но оказывается, что подводит какая нибудь нехватающая в кассе злополучная буква «ф».

Предлагаешь перебрать строку из другой кассы.

Тут хватает «ф», зато зияет пустотой клетка «с».

Приходится часто давать менее удачный и интересный заголовок только потому, что кассы шрифтов пусты.

Конечно, при наличии погони за буквой, говорить об игре шрифтов почти не приходится.

***

Говоря о верстке, хочется отметить интересный прием, почему-то пока туго прививающийся в редакциях провинциальных газет.

Речь идет о расклейке номера.

Выпускающий получает после окончания набора номера все оттиски статей, предварительно сверстанных наборщиками в два столбца с заголовком.

Затем он берет лист бумаги газетного формата и раскладывает оттиски статей по полосе, получая возможность комбинировать статьи, располагать их в нужном порядке, перебрасывать из одной полосы в другую, имея возможность несколько раз переделывать различные комбинации верстки, что отпадает совершенно при слепой верстке в типографии у ментранпажного стола.

Выпускающий имеет возможность спокойно работать в отдельной комнате за своим столом и отправляется в типографию уже с готовыми полосами и следит лишь за тем, чтобы наборщики набрали заголовки нужными шрифтами и поставили кончики к линейкы.

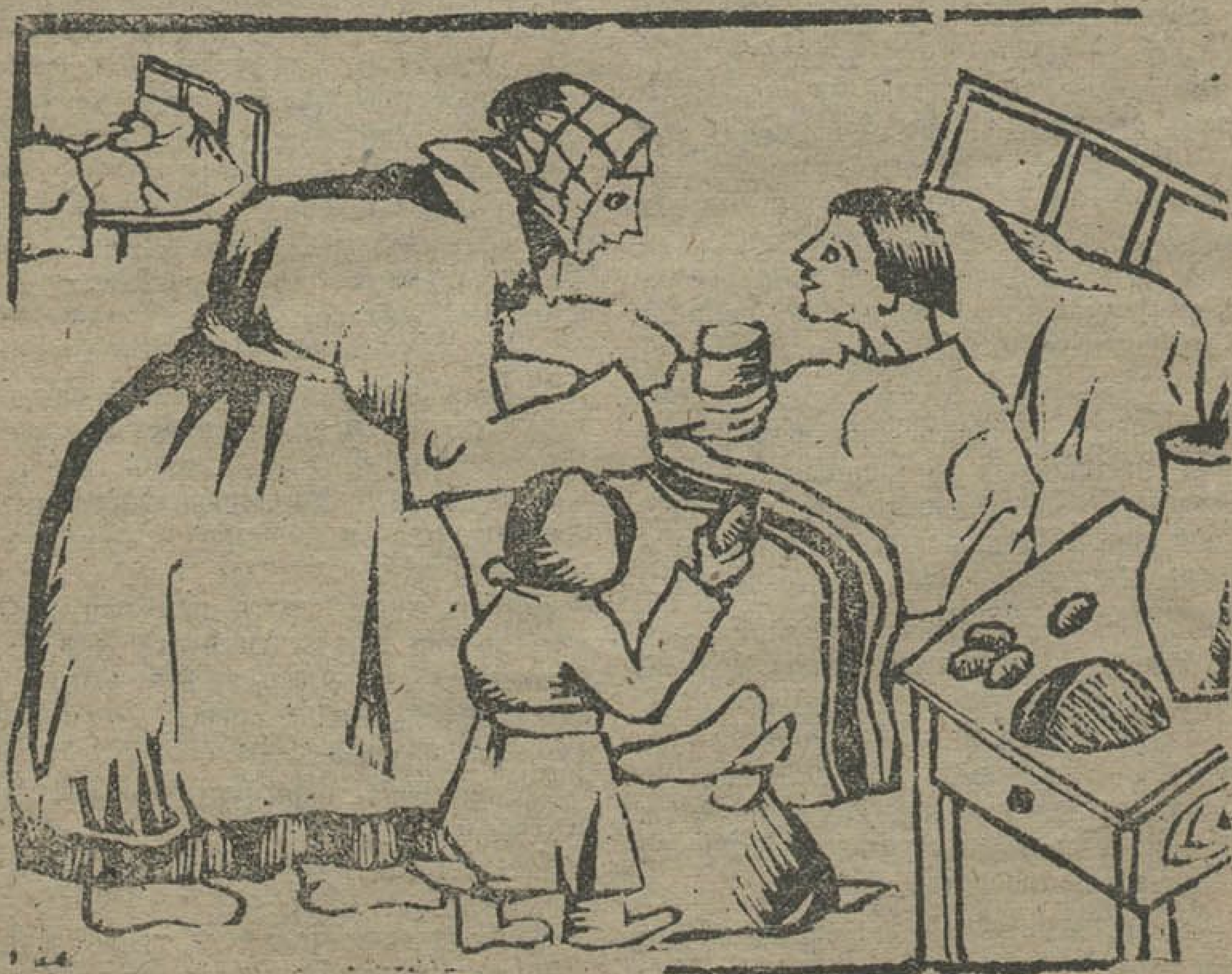
Между прочим, при таком способе верстки сильно облегчается работа метранпажа, так как выпускающий точно расклеивает напр. размер фельетона, отмечает точно, где нужно ставить линейки и кончики.

Метранпаж, таким образом должен лишь точно копировать наклеенную полосу выпускающего.

У нас в Витебске этот способ верстки привился очень успешно и верстка газетной полосы продолжается не больше 10—20 минут.

Не стойте над головой метранпажа, не заставляйте его нервничать, что часто отражается на состоянии номера, а безмолвно давайте ему тщательно склеенную в спокойной атмосфере полосу.

И. Амский.

(Из плаката, выпущенного к „Неделе помощи больраненому крас-мейцу").

Витебская литколлегия за 4 месяца своей деятельности.

В августе месяце с. г. по инициативе некоторых активных работников Губкома Р. К. П. и Политпросвета Губвоенкомата были сорганизованы две литколлегии, одна из представителей гражданских комячеек и другая—представителей воинских комячеек, поставившие себе целью вовлечение в литературную работу, в частности, газетную, широкой рабоче-крестьянской массы, под руководством знакомых уже с газетной работой партийных организаторов,—сотрудников местных газет и Губроста.

Эти литколлегии выделили из своего состава двух товарищей—представителей обоих литколлегий для технической газетной и организационной работы: связи с редакцией, приема корреспонденции, инструктирования методов сотрудничества, обработки поступающего материала и проведения в жизнь всех постановлений Бюро Литколлегии.

В короткое время литколлегии великолепно развились и выявили из своей среды несколько десятков рабочих и красноармейцев, хорошо справлявшихся с делом и чрезвычайно ценных для редакции.

Со дня организации литколлегий появились в местных газетах интересные отделы, почти полностью захватывающие интересы и запросы рабочей жизни и жизни красноармейца, при чем особенно отличалась своей работой красноармейская литколлегия, своими силами даже издававшая в течении более 4 месяцев красноармейскую газету «К Оружию», ставшую самой любимой газетой красноармейцев Витебского гарнизона.

Но, самое главное, была достигнута самодеятельность широких масс, хотя и ограничивавшихся на первое время только одними жалобами и разоблачениями, но с течением времени, после целой серии инструктирующих статей на страницах местных «Известий», жалобы и пр., стали сменяться хорошо составленным, ценным бытовым материалом и это, главным образом, потому, что наряду с инструктированием литколлегия помещала и этот «жалобный» материал в специальных отделах «Темные уголки, из писем» и др.

На собраниях литколлегии читались практические доклады при участии местных журналистов на темы: «Как писать», «Что писать» и т. п.

Организационная работа.

В конце октября, с развитием работы, литколлегия широко поставила организационный вопрос, так как одна лишь газетная работа оказалась недостаточной, особенно в связи с начавшейся популяризацией устных газет.

Для этой цели литколлегия устроила собрание представителей ячеек РКП и фабзавкомов, на котором было решено, для продуктивности работы, слить обе литколлегии в одну объединенную и были избраны члены Бюро и организаторы по предприятиям и воинским

частям, при чем избирались только зарекомендовавшие себя своей работой в литколлегиях за прошедшее время.

На ближайшем же собрании членов Бюро и организаторов был избран президиум, разделивший функции между собой, и поставивший конкретно вопрос об устной газете и создании литколлегий в наиболее крупных производствах.

Постановление немедленно стало проводиться, и за пять месяцев, последовавших за этим решением, уже проведено 7 устных газет в рабочих клубах и красноармейских частях.

Параллельно с этим, литколлегия создала страничку в местных «Известиях» под названием «Гудок», которая пользуется громадной популярностью среди железнодорожников, и предполагается, в соответствии с общими задачами подотдела производственной агитации Губпрофсовета, создание общей, производственной странички.

План ближайшей работы литколлегии:

1) Войти в контакт с Агитотделом Губкома РКП.

2) Создать устную газету трех типов: красноармейскую, производственную и политическо-просветительную, и оживить эту устную газету всеми имеющимися и возможными способами.

3) Объединение всей литературной самодеятельности масс: страничка молодежи, листок красноармейца, страничка работницы, Гудок, рабочая жизнь, письма и создание новых, живых отделов.

4) Принять деятельное участие в организуемой Губроста школе журнализма.

5) Начать углубление газеты в глубину жизни массы, для чего уже намечена новая страничка «Рабочих окраин».

6) Все невмещающееся в газету, за отсутствием места, приспособить к устным газетам литколлегии.

Таким образом, мы видим, что литколлегиями за 4 месяца своего существования, в условиях перегруженности работой всех работников литколлегий, сделано очень много, и вероятно, сейчас, будет сделано еще больше.

А. Гробер.

Корреспонденция в газете „Известия“.

В создании истинно пролетарской печати громадную роль играет освещение массовиком-читателем окружающей его жизни, отклики читателя на все возбуждаемые газетами вопросы, кампании и прочие.

Практически этот вопрос стал во всей своей широте лишь со дня организации литколлегий, задавшихся целью путем направления в нужную сторону литературной работы трудящихся масс, приблизить газету, сделать ее доступной всем, и служить связующим звеном между редакциями газет и рабоче-красноармейскими массами.

Эта полоса интенсивной и литературной работы масс в Витебске начинается лишь в августе месяце, когда впервые была создана в городе литколлегия, кроме литературы, получаемой ею непосредственно от масс, также принимавшая всю корреспонденцию, поступавшую в редакцию местной газеты.

Литколлегия не оставляла без внимания ни одной заметки, инструктировала на столбцах местной печати массу, как писать, что писать, и следствием этого являлось увеличение с каждым месяцем количества корреспонденции, поступавшей в литколлегию, и постепенный рост, информационной корреспонденции, играющей для газет важнейшую роль, вместо поступавших до сих пор, неосновательных, в большинстве, жалоб и просьб.

Как изменялась корреспонденция по своему содержанию и количеству, можно видеть из нижеприведенной таблицы:

Характер корреспонденции	За август	За сентябрь	За октябрь	За ноябрь	За декабрь	ИТОГО
Разоблачения и жалобы	26	21	26	22	35	130
Информац.: отчеты, сводки	16	22	33	45	67	183
Статьи по обще политич. вопросам	6	13	20	36	37	112
Справки и опровержения	—	7	—	8	21	36
Прочие: стихи, воззвания и т. д.	4	—	—	5	5	14
Поступило всего корреспонденции	52	63	79	116	165	475

Начатое в августе месяце постепенное вовлечение массы, увеличиваясь с каждым месяцем, в декабре дает уже нам цифру корреспонденции, в пять раз большую против августа.

По своему классовому составу корреспонденты делятся следующим образом:

Рабочие и служащие	134
Красноармейцы	203
Крестьяне	57
Прочие: анонимы и т. п.	81

Наибольший приток корреспонденции со стороны красноармейцев объясняется организованностью красноармейской литколлегии, наиболее подробно освещавшей жизнь красной армии на страницах газеты.

Весь проверенный и исправленный материал литколлегии помещала в газету «Известия», или отмечала в почтовом ящике причину, если заметка не была помещена. Многое, по вине самих авторов, не указавших адреса и т. п. причинам оставлялось совершенно без ответа.

В каком порядке и куда помещалась корреспонденция, можно видеть из следующей таблицы:

За какой месяц	Помещено полностью в газете	Дан ответ в почтовом ящике	Переслано в соответствующее учреждение	Оставлены без ответа как анонимные и т. п.
Август	25	10	3	7
Сентябрь	42	11	—	2
Октябрь	72	—	—	12
Ноябрь	79	15	5	37
Декабрь	105	32	12	6
ВСЕГО	323	68	20	64

Если мы внимательно проследим этот отчет, то увидим, что в смысле приближения к массам нашей местной печати, сделано многое: в газете силою литколлегий, собиравших материал непосредственно от массы, были созданы специальные отделы: «Гудок», «Рабочая Жизнь», «Отд. писем», «Листок Красноармейца», почтовый ящик и пр., за короткое время своего существования поместившие в газете в общем около 15.000 строк.

Еще большую роль суждено сыграть литколлегиям в предстоящей нам производственной агитации, где пролетарские, самодеятельные силы сумеют развернуться во всю ширь, причем задачей редакций газет является инструктирование и поддержка этих будущих творцов печати.

Литколлегия.

Образцы наших подписей к „чужим“ рисункам

Из плаката „Против холода в атаку!“.

В батальоны стройтесь дружно,
Не боясь зимы угроз!
Побороть нам стужу нужно:
Все на белый на Мороз!

* * *

К лесу выйдем снежным полем
И пойдет от рубки—гром!
Не дрова в лесу мы колем:
Рубим троны топором!

Пусть Мороза иглы—колки,
Все звончей удары в ряд:
Трона царского осколки
Во все стороны летят!

* * *

Все мятежней в душах пламя,
Все светлей рабочих взор...
Наши Пилы—наше знамя,
Наше знамя—наш Топор!

Схема работы инструкторско-иногороднего Отдела Витроста.

1 сентября организовался инструкторский Отдел Витроста и в течении почти 5 месяцев он ведет свою работу по организации и укреплению уездных отд. Роста и уездной печати.

Одна из главных работ отдела—издание инструкторского бюллетеня, единственного инструктирующего журнала России, кроме Московского «Красного Журналиста».

В 8 номерах бюллетеня (последний номер вышел 1 февраля) даны уездам подробные инструктирующие статьи: о технике газетного дела, об информации, стенных газетах, устной агитации и пр. (выдержки из инструкторских бюллетеней см. дальше).

Кроме того, в каждом номере даются рецензии о всех уездных изданиях.

О целесообразности бюллетеня и его пользе свидетельствуют лежащие передо мной телеграммы из всех уездов, с просьбой участить и расширить его издание.

1-й Губернский съезд Роста, созванный Губроста 1 октября чтобы организовать уездные отделения разрешил все основные вопросы, затрагиваемые в бюллетене.

Инструкторским отделом были посланы специальные инструктора в Лепель, Себеж, Городок и Невель.

За время существования отдела были лично проинструктированы по 2—3 раза заведывающие всеми уездными отделениями Роста, организованными этим же отделом.

Мы, желая быть краткими, покажем лишь схематично, что сделано всеми уездными отделениями Роста за время с 1-го съезда по 10 февраля.

	Стенных газет	Пер. газет	Устных газет	Спец. изд.	Инф. бюл.	Телеграмм	Волкоров	Прочие.
Сенно	74	225	8	7	100	67	14	Чит. зал воен. цензура, окна сатиры
Полоцк	30	116	—	—	5	—	—	военная цензура
Городок	175	—	4	2	17	—	орг.	воен. цензура зал Роста
Невель	80	285	5	2	25	65	10	Госиздат. окна сатиры
Велиж	25	250	17	1	—	—	—	теревсат, окна сатиры, зал Роста, свет. газеты
Лепель	85	—	8	2	23	20	—	окна сатиры, зал Роста
Себеж	55	—	3	1	6	—	—	военная цензура

Желая дать также приблизительную, сравнительную оценку работы уездных изданий, мы по примеру Смоленской «Роста», применим пятибальную систему.

(Первая цифра за 1 октября, 2-я—15 января, 3-я—теперь).

	Стенгазета			Пер. газета			Устная газета		Информация			Проч. издания		Итого		
	1-й с'езд	2-й с'езд	3-й с'езд	1-й с'езд	2-й с'езд	3-й с'езд	2-й с'езд	3-й с'езд	1-й с'езд	2-й с'езд	3-й с'езд	2-й с'езд	3-й с'езд	1-й с'езд	2-й с'езд	3-й с'езд
Сенно . . .	4	5 —	5 —	4	5 —	5 —	5 —	5	5 —	5 —	5	4 ×	4	4	5 —	5 —
Невель . .	5 —	Времен-ных	5 —	4	Врем-енных.	4	—	4	3	4	4 =	4 —	—	4	4 —	4
Лепель . .	3 —	5 —	5 —	нет			4 ×	5	2	4 —	3	4	4	2 ×	4	4
Городок . .	2	4 —	4	нет			—	5 —	1	3	4	3	—	2	3 ×	4
Полоцк . .	4 —	3 ×	4	2	3 —	3	—	—	2	3 —	2	—	—	2	3 —	3
Велиж . .	—	5 —	5	2	4	4	—	5	2	2	3 —	—	5	2	3	5 —
Себеж . . .	2	3	4	нет (организ.)			—	4	2	2 —	3 ×	—	—	2	3 =	4 —

Желая более ясно указать на работу уездных отделений, я приведу более детальные сводки 2-х из них—Невельского и Сенненского.

СЕНРОСТА

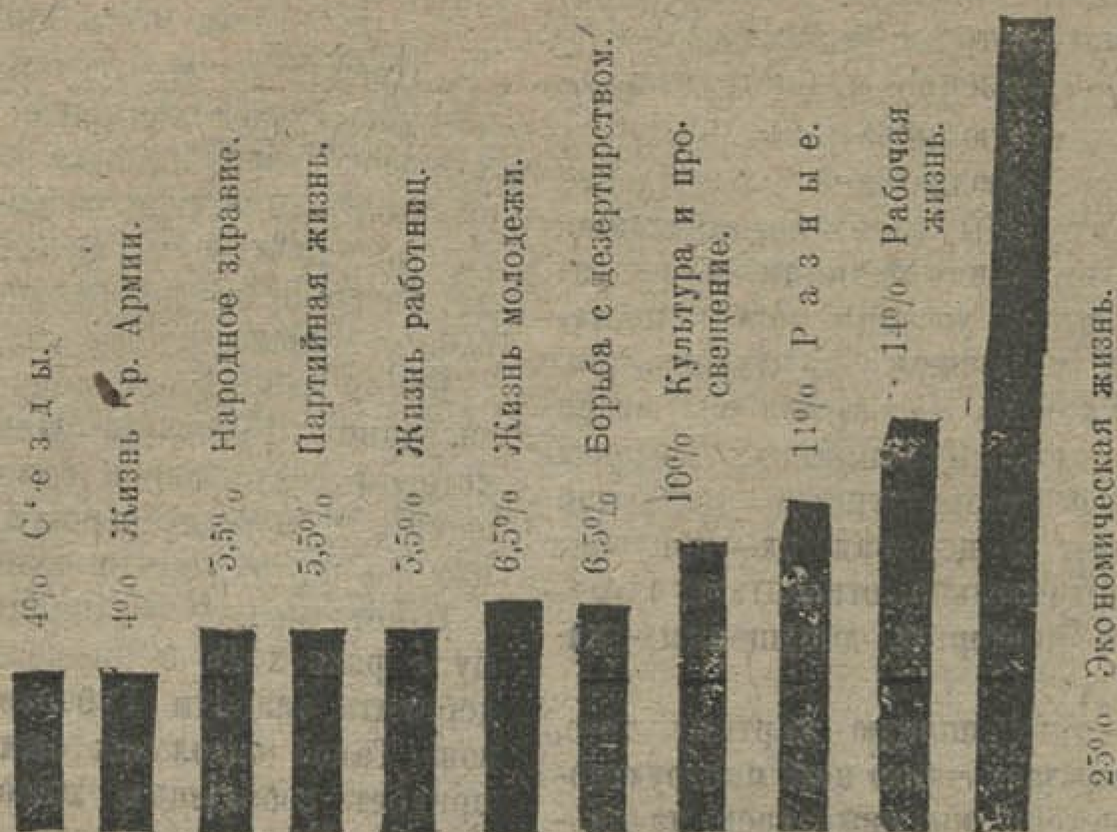
Содержание информационного „Бюллетеня" подразделяется на следующие отделы:

(за время с августа по декабрь 1920 года).

Деревенская жизнь	79	заметок	2308	строк	или	25.2	проц
Проведение недель	57	„	1103	„	„	11,4	„
Жизнь Красной армии	26	„	765	„	„	8	„
Народное образование	30	„	650	„	„	6,8	„
Партийная жизнь	19	„	648	„	„	6,8	„
Красная Молодежь	45	„	549	„	„	5,8	„
Проведение прокампании	19	„	350	„	„	3,6	„
Сенненский фронт труда	37	„	350	„	„	3,6	„
Советское строительство	10	„	270	„	„	2,8	„
Рабочая жизнь	17	„	268	„	„	2,8	„
Коммунальное строительство	6	„	144	„	„	1,4	„
Народное здравоохранение	9	„	106	„	„	1,1	„
Театр	3	„	74	„	„	0,7	„
ИТОГО . . .	357	заметок	7583	строки	или	80	проц.
Кроме того: разных	45	„	948	„	„	10	„
Инструкторских	20	„	946	„	„	10	„
А ВСЕГО . .	422	заметки	9477	строк	или	100	проц

НЕВРОСТА.

Жизнь уезда в освещении Невроста.

Деревенская жизнь в освещении Невроста.

(21% всей информации).

Суммируя все сказанное нами, мы видим, как постепенно, но все более и более улучшается работа уездных отделений, как она охватывает все более и более широкие рамки.

Несмотря на минимальное количество работников, несмотря на все затруднения, краткое, но ударное слово Роста проходит и в города, и в волости, и в далекие деревни нашей губернии.

Исбах.

Наш «Инструкторский Бюллетень.»

В середине сентября начал издаваться наш инструкторский бюллетень, дающий направление и инструктирующий всю уездную печать.

Значение бюллетеней безусловно очень велико. Мы видим на практике, как благодаря инструкциям и рецензиям бюллетеня уездная печать постепенно все улучшалась и улучшается.

С 5-го номера бюллетеня мы ввели в него отдел «Царапинки», который отмечая все корректурные упущения наших газет и царапая их—приучает более осмотрительно относиться к работе и не повторять допущенных казусов.

Желая дать полную картину того, что представляет собою наш инструкторский бюллетень, мы ниже даем маленькую сводку всего в нем помещенного и некоторые выдержки из его номеров.

С 15 сентября за 5 месяцев вышло 8 номеров бюллетеня.

В них даны статьи инструктирующего направления: Как давать информацию (№ 3), «Устная газета» (№ 4), «Рабочая жизнь» (о литколлегиях) (№ 4), «Литколлегии и военная печать» (№ 4), «Покажите свою работу» (№ 5), «Читальный зал Роста» (№ 5), «Задачи нашей печати к 3-й годовщине» (№ 4), «Производственная пропаганда» (№ 6), «К губернскому съезду» (№ 6), «К итогам 2-го съезда» (№ 7), «Еще о литколлегиях» (№ 7), «Как верстать газету» (№ 7).

Номера 1 и 8 бюллетеня целиком посвящены рецензиям об уездной печати, и № 2 роли и задачам уездных отделений.

Кроме передовых текущих статей в бюллетене даны также рецензии о 38 уездных газ. с исчерпывающими инструкциями и указаниями, полно охватывавшие всю газету от заголовка до подписи редактора.

Были даны рецензии о всех информационных бюллетенях Уездроста Витебской губернии.

По пятибалльной системе была оценена работа всех уездроста.

Желая дать полную картину нашего бюллетеня, мы здесь приведем выдержки из некоторых его статей, рецензий, а также «Царапинок».

«КАК ДАВАТЬ ИНФОРМАЦИЮ».

(Из статьи тов. Осиповича).

...Прежде всего следует обратить самое тщательное внимание на заголовки и подзаголовки. Ни в коем случае нельзя давать отчетов о собраниях и съездах, интервью и пр., предварительно их не разработав, не разбив на отдельные маленькие живые статейки.

Речь, например, идет об очередном заседании Губсовета Профсоюзов, на котором обсуждались вопросы о повышении производительности и мобилизации на фронт членов профсоюзов.

Отчет следует озаглавить «На борьбу с разрухой» и на полях в скобках добавить «пленум Губсовета Профсоюзов». Такой заголовок оживляет газету, придает сообщению живость и интерес. Наоборот, заголовок «Пленум Губсовета Профсоюзов» или общее собрание членов профсоюзов—мертв, шаблонен, казенен.

После такого рода общего заголовка отчет должен быть разбит на отдельные маленькие статейки, как например: «Пролетарии Витебска повышают производительность», «На помощь Красному фронту», «Все, как один» и пр.

Надо все время иметь в виду те, что больше всего занимало собрание, не затушевывать главного посторонними, не столь ценными подробностями.

Это надо помнить как хроникеру или репортеру, так и редактору. Информация должна быть цельной, не расплывчатой бьющей, не шаблонной.

Информация должна даваться своевременно.

Излишне указать, что в газетном деле имеет большое значение каждый час. Сообщение для сегодняшнего номера газеты может быть важным, а завтра оно может оказаться запоздалым, ни к чему.

К сожалению, в этом отношении особенно часто грешит наша провинциальная печать. Не говоря уже о технических затруднениях, у нас принято думать, что читатель может подождать, информация не убежит и пр.

Этого, разумеется, быть не должно...

Из рецензии Мерлина «Заря Коммуны».

...Внутреннее достоинство газеты—немногим лучше ее внешности.

Подбор телеграмм довольно сносный,

но видно, что они не обрабатываются специально применительно к пониманию уездного читателя, или крестьянина, а целиком перепечатываются в том же виде, как получаются из радио. Так и пестрят слова солидарностью—грандиозная, фактически, принцип и т. д. Многие телеграммы (как например, переговоры с английским правительством в № 192) непомерно длинны, между тем, как дело можно объяснить в 5-10 строках.

Такой же и даже еще более ужасающей длиною отличаются статьи, которые часто вообще вызывают недоумение. Для кого они пишутся?

Такова, например, статья «Артистические турне» (?) в том же № 192. Ну что там есть интересного для рабочего или крестьянина?..

Дав выдержку из рецензии «распекательной», мы даем также выдержку из рецензии «одобряющей».

Велижская стенгазета.

(Из рецензии тов. Исбаха).

26-го декабря вышел первый номер Велижской стенгазеты. Из имеющихся у меня сейчас четырех номеров (1, 2, 3, 4), можно уже видеть, что газета с самого начала ставит себя в первые ряды наших стенных газет.

Передовицы умело подобраны и хорошо написаны. Отдел «За рубежом» составлен также хорошо.

Нужно лишь подбирать лучшие заголовки. В номере 4—вместо заголовка «Еще один»—нужно было поставить «Еще одна победа».

В отделе «По Красной России» нужно давать более живые заметки, а не «Территория РСФСР» (№ 2).

Верстка почти хороша. В № 2 нужно было отделить рантовой линейкой отдел «По Красной России» от заметки «Ирландия объявила войну». Иначе получается ввод последней заметки в общий отдел.

Корректура, также за исключением нескольких недочетов—хороша.

Отдел «Местная жизнь» не велик и хорош. В общем надо пожелать Велижской стенгазете выпускать и дальнейшие номера не хуже выпущенных до сих пор.

«ЦАРАПИНКИ»

Нельзя ли грамотнее.

Себежская «Роста» в 11 номере подносит такой лозунг: «Кто правит с Совет.. Россией. Рабочие и Крестьяне».

А кто правит в Себеже корректуру?»

Ты знаешь край, где все обильем дышет?

Украина, воспетая многими поэтами? Плодородные долины Ганга и Пенджаба, стонущие под английским сапогом? Благословенная Аркадия древней Греции? Московская Сухаревка, наконец?

Город Городок, товарищи и Городокский уезд.

Городокский уезд до сего времени не только выполнил 95 проц. боевого наряда на хлеб и картофель, но даже заготовил 58.632 пуда риса..

(Смотреть № 136 Городокской стенной газеты «Роста»).

Переполох.

Чудом попавший в глухую деревушку Велижского уезда 399-й экземпляр «Зари Коммуны» от 3-го декабря, произвел целый переполох и революцию в умах велижских крестьян.

«С-с-уд над Колчаком.. В Советском театре в понедельник, 13 декабря Политбюро устраивает суд над Колчаком. Лиц желающих выступить обвинителями и свидетелями, просим явиться в Политбюро гарнизона, в четверг 9-го декабря, в 4 часа дня.

Инсценировка «судов над Колчаком», буржуазией, дезертирами и так далее—чрезвычайно полезная, интересная и поучительная вещь, но печатать в газете глухого и малокультурного уезда сухие, казенные объявления об этих «судах»—в достаточной степени неуместно.

Хорошо давать в газете маленькие, живые, метко написанные отчеты «судебных заседаний» с выдержками из речей обвинения, защиты с приговором.

60—80 строк не так будет жаль, как 20 строк казенного объявления..

Я считаю данные выдержки вполне достаточными, чтобы составить мнение о нашем инструкторском бюллетене.

Принимая во внимание полное отсутствие журналистов, которое наблюдается у нас и незнакомство уездных работников с газетным делом, мы считаем, что нашим инструкторским бюллетенем, нашей инструкторской страничкой, мы творим дело полезное и необходимое.

И. Бахрах.

НАШИ С'ЕЗДЫ.

1-й С'езд работников печати Вит. губ.

1й Съезд работников печати Вит. губ.

В атмосфере максимальной спешности был созван нами первый съезд печати.

Не было еще ни налаженного инструкторского аппарата, не было еще ни связи с губернией, ни той тесной, задушевной спайки, которая замечается сейчас.

Мы в первый раз знакомились ближе с нашими уездными товарищами, мы в первый раз глубже вглядывались в их нужды, в условия их работы и в смысле спайки, в смысле организации уездных отделений и уездной печати 1-й съезд превзошел наши ожидания.

На нем не было ни приветствий, ни роскошных, блестящих, остроумных докладов. Небольшая редакционная семья собралась и разрешила все насущные вопросы и поставила все вехи на пути газетного строительства.

И если результаты 2-го съезда, если все вышеприведенные доклады бросаются в глаза своей деловитостью и успехом проведенной работы, то мы должны не забывать, что начало всей этой работы, что первое слово и первые указания ей дал наш небольшой скромный 1-й съезд, такой незаметный, и вместе с тем такой содержательный.

И. Б.

Второй губернский с'езд печати.

(20—23 декабря).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

Это было скорее интимное совещание друзей печатного слова. Казалось, дети одной семьи собрались, чтобы поговорить по душе, рассказать друг другу свои горести и думы, совместно искать выхода из затруднений.

А затруднений много.

Прежде всего нет людей. Вряд ли в какой нибудь отрасли Советского строительства отсутствие работников так остро чувствуется, как в редакциях провинциальных газет.

Одному и тому же лицу приходится и статьи писать, и хронику составлять, и телеграммы списать, а частенько набирать и корректировать.... И этому же работнику приходится исполнять довольно сложные партийные обязанности, ответственную Советскую работу.

Немало терпят газетные работники и от «власти на местах». Под строжайшей угрозой заставляют печатать длиннейшие приказы, воззвания, занимающие не один столбец скромного провинциального газетного листа. И это при вопиющем бумажном кризисе, при жестоком сокращении и размера и тиража газеты вследствие этого кризиса.

Мудрено ли, что доклады с мест отличаются поразительным однообразием и содержат грустную повесть о том, как печать медвежьих углов нашей губернии (да нашей ли только губернии?) борется изо-дня в-день за свое существование, за свое право служить высокому своему призванию.

Впрочем, «голь на выдумки хитра». Отсутствие бумаги и технических средств толкнуло нас к созданию устных газет.

Это прекрасное начинание прививается во многих городах и селениях. Но не все нашли верную дорогу, многие под новым названием преподносят старый, изрядно всем надоевший митинг.

И весьма кстати было предостережение тов. Пустынина, в своем красочном докладе подчеркнувшего, что устная газета не митинг, не газета обычного типа, даже, а скорее революционный театр, репертуар которого состоит из живых революционных пьес и представлений, инсценированных плакатов и пр.

Мысль верная и своевременно высказанная.

М. О.

***

Открытие съезда.

На съезд явились представители всех уездов губернии. Из этого видно, насколько назрела потребность в этом

съезде, и как велик интерес работников печати на местах к вопросам, поставленным в порядке дня.

Отъезд провинциального работника сопряжен с большими трудностями и жертвами.

— С моим отъездом газета стала...— заявляет один.

— А мое отсутствие остро чувствуется в укоме, в отнаробразе, в Ревкоме...—жалуется другой.

Но съезд открывается и делегаты забывают свои жалобы, принимают самое активное, самое живое участие в работах съезда.

После избрания президиума и утверждения регламента, заслушивается доклад тов. Бахраха о текущем моменте и задачах печати.

Текущий момент и задачи печати.

Основной задачей печати в настоящее время, в связи с переходом страны на мирное строительство, является несомненно производственная агитация, причем эта агитация должна вестись умело, на фактах из жизни и производства наших фабрик и мастерских.

Каждый случай повышения производства, каждый удачный субботник должен быть широко использован в агитационных целях. Подвиги на трудовом фронте должны тщательно отмечаться так же, как мы добросовестно отмечали подвиги на поле сражения. Имена героев труда должны красоваться на страницах печати, должны будить трудовое соревнование у товарищей этих героев по станку и работе.

В прениях по докладу приняли участие т.т. Осипович (Витебск), Рудзит (Витебск), Коноплин (Велиж) и др.

Указывается на необходимость развития агитации и среди крестьянских масс за расширение посевной площади, улучшение сельского хозяйства и повышение производительности. Всеми подчеркивается мысль, что агитация должна вестись на живых конкретных фактах, по возможности из местной жизни.

Доклад о деятельности Губроста.

Слово для доклада предоставляется т. Абрамскому.

После 1-го Губернского съезда была начата усиленная организационная работа. Обращено было внимание на укрепление административного аппарата Губроста. Отделением составлены комплекты изданий всей иногородней уездной печати. Связь с уездами была живой и достаточно налажена.

Работа уездных отделений страдает из-за отсутствия средств, бумаги, типографий и, наконец, технических работников—опытных выпускающих, репортеров и т. д.

Получена бумага для печатания в количестве 300пудов: разверстка ее по уездам будет произведена немедленно после съезда.

Инструкторский отдел выпустил 6 номеров инструкторского бюллетеня, в котором дана оценка работ уездных отделений и указаны меры к исправлению недочетов.

Приняты меры к организации отделения в г. Орше, где имеется хорошо налаженная типография.

Городской отдел встречает в своей работе технические препятствия: отсутствие бумаги писчей и копировальной, лент и т. д., а потому бюллетень печатается лишь в 2-х экземплярах для витебской периодической печати. Тоже с провинциальным бюллетенем, который по мере накопления материала печатается в виде странички в «Известиях», по уездам же отдельно не распространяется.

Агитотдел имеет очень важное значение в общей работе Витгуброста. Стенная газета выходила регулярно ежедневно.

Теперь, в связи с переходом на мирное положение, мы вводим новую форму агитации в виде передвижного театра устной газеты, который будет гастролировать и по уездам.

Приняты меры к устройству световой газеты, световых стенных плакатов, кино-хроники и т. д.

Агит-зал до сего времени не устроен из-за отсутствия подходящего помещения, теперь же отделение надеется, что его удастся организовать.

В целях развития дела, размножения печатных изданий Витгуброста командировала сотрудника на курсы стеклографии в Екатеринбург.

В области снабжения радио принимались меры к снабжению специальным «газетным и сельским вестником».

Последний рассылается по волостным почтовым конторам и имеет боль-

шое значение, как информирующий «медвежьи уголки».

К 3-й годовщине Октябрьской Революции Витгубростой организована была отчетная выставка печати.

Нужно отметить, что отделение работает в полном контакте с Губкомом РКП, принимает участие в его агитационной работе, печатает его воззвания, листовки, журналы и т. д. Техническими силами Витгуброста издан специальный номер бюллетеня Витгубвоенревкома к 8 Губернскому съезду Советов.

Начаты организационные работы к открытию школы газетных техников, которая должна выпустить новый кадр газетных работников.

При ближайшем участии Витгуброста организована общегородская Рабоче-Крестьянская литколлегия.

Резолюция.

По предложению тов. Честного (Невель) съезд выражает одобрение деятельности Губроста и предлагает ей усилить свой инструкторский аппарат и теснее связаться с губернией.

Положение на местах.

Доклады с мест развернули перед съездом грустную картину полнейшего отсутствия работников. Печать фактически лишена самостоятельности. Вмешивается в ее внутреннюю жизнь всякий, кому не лень.

Хорошо и без перебоев работают **Сенно** и **Невель.**

Во главе Сенненского отделения «Роста» стоит тов. Горный, человек, любящий газетное дело всей душой.

Путем различных диаграмм и сводок тов. Горный показывает, как разрослась деятельность **Сенроста.** Кроме издания стенных и устных газет Сенроста выпускает часто специальные издания, руководит газетой «Факел», издает информационные «бюллетени», организовала сеть корреспондентов по волостям, агитзал и пр.

Не хуже работает и **Невроста**, во главе которой стоит старый партийный работник, тов. Честный.

Регулярно выходят информационные «бюллетени», организовано отделение Государственного издательства, улучшена газета «Молот», выпускается устная газета.

Вполне нормально протекает работа в **Велиже**, где организовано чтение устной газеты, налажена связь с волостями, выходит 3 раза в нед. «Заря Коммуны», имеется «Теревсат» (Театр революционной сатиры). На-днях начнет выходить стенная газета.

Налаживается работа и в **Городке.** Выпущено свыше 150 номеров стенной газеты, организуется чтение устной газеты.

Плохо обстоит дело в **Себеже**, где почти ничего не сделано. В настоящее время во главе Себроста поставлено другое лицо и есть надежда, что работа наладится.

В **Полоцке** издается стенная газета и газета «Октябрьское Эхо». Полное отсутствие работников.

В **Дриссе** приступлено к организации отделения «Роста».

Резолюция.

По докладам с мест принимается следующая резолюция:

Заслушав доклад по организационно-финансовому вопросу, 2-й Губернский съезд печати находит, что главными причинами, тормозящими работу, как уездных отделений «Роста», так и вообще уездной Советской печати, являются:

1) Недостаточная авторитетность на местах, как работников прессы (персонально), так и редакционных коллективов вообще; в частности; а) наблюдаются случаи своего рода насилия над печатью, выражающегося в том, что нередко в уездные редакции поступают статьи и заметки ответственных партийных и советских работников с «предписанием» во что бы то ни стало поместить их без всякого изменения и поправки, б) загромождение уездных газет ненужными приказами и пр. канцелярским материалом, не имеющим никакого отношения к пропаганде коммунистических идей.

2) Слабость организационного аппарата в уездах в виде абсолютного отсутствия технического персонала и хорошо налаженной связи с волкорреспондентами, а также самых примитивных технических средств, в виде пишущих машинок, лент, бумаги и т. д.

3) Слабое и неравномерное финансирование уездов, что в некоторой степени отражается на продуктивности и правильной деятельности печати.

4) Недостаточное инструктирование уездной печати, как с идейно-политической, так и технической стороны.

5) Ненормальные взаимоотношения с типографиями, работающими для уездпечати, не считающимися с первоочередностью заказов печати и отдающими предпочтение другим более прибыльным заказам, что совершенно недопустимо с точки зрения важнейших задач печати.

Исходя из изложенных причин, тормозящих работу печати, и принимая во внимание громадное значение печати в области агитации и пропаганды производственных идей среди пролетарских и крестьянских масс в настоящий период перехода Советской России на мирное хозяйственное строительство,—съезд признает необходимым в срочном порядке добиваться для местной печати следующих условий нормального состояния, возможных проведением в жизнь в данный момент, как в губернском, так соответственно и во всероссийском масштабе:

1) Выделение печати в ударный агитационный орган, имеющий боевое значение в области пропаганды среди масс за воссоздание хозяйственных задач Советской власти.

2) Поднятие авторитета печати на местах, подразумевая под этим, как ответственность, так с другой стороны, независимость ее от унижающих ее престиж вмешательств во внутреннюю жизнь и административное управление, для чего необходима санкция во Всероссийском масштабе ВЦИК и Губернском Губисполкомов и Губкомов РКП.

3) Усиление аппарата печати через мобилизацию для работы в ее органах членов организации РКСМ, а также специальной подготовкой технических работников газетного дела в губернской школе газетной техники.

4) Привлечение пролетарских и крестьянских масс к активному участию в печати через литературные коллегии и корреспондентов на фабриках и заводах, Совхозах и волостях.

5) Инструктирование уездной печати как уездных отделений «Роста», так и уездных газет посредством издания «Инструкторского Бюллетеня», тезисов, плакатов и лозунгов на ударные темы, а также живой связью через инструкторов, регулярно командируемых в уезды.

6) Усиление финансовых средств уездной печати с переходом от авансовой системы покрытия расходов к порядку сметных ассигнований, начиная с января 1921 года, кроме того равномерное распределение кредитов между уездами соответственно размерам органов печати и их работе в каждом.

7) Закрепление нормальных взаимоотношений между органами печати и полиграф-отделами в целях обеспечения за печатью первенствующего места в исполнении типографиями заданий печати, так как наблюдающееся в настоящее время уклонение типографий в сторону прибыльных заказов совершенно недопустимо, как в корне нарушающее регулярную работу периодической печати.

О распространении печати.

По вопросу о положении дела распространения печати съезд по предложению заведывающего Губнарсвязи принимает постановление: образовать комиссию из представителей Губнарсвязи, Виттуброста и пленума Губпечати для разработки плана улучшения в деле распространения печати по губернии. Постановление комиссии довести до сведения заинтересованных губернских и уездных учреждений.

Новое в агитации.

Весьма красочен и интересен доклад тов. Пустынина «Новое в агитации», который сводится к истории устной газеты и содержит ряд ценных указаний.

Доклад в целом помещен в настоящей брошюре.

Связь и информация.

Доклад о связи и информации делает тов. Осипович.

Информация—душа газеты. Помимо того, что освещение жизни нашей великой революционной эпохи ценно само по себе, информация служит могучим орудием коммунистической агитации, ибо факты должны говорить сами за себя, вся агитация должна быть основана на них.

Информация должна быть живой, пестрой; изложение должно быть общедоступным, с объяснением непонятных мест.

Информация должна быть своевременной. В этом отношении как известно, особо грешна наша провинциальная печать.

Особое внимание печать должна уделять местной жизни, верным зеркалом которой она должна служить изо дня в-день. Но в виду полного отсутствия на местах столичных газет, уездная печать все же должна на своих столбцах помещать сведения о жизни в России и за-границей.

Резолюция.

После прений, в которых приняли участие т.т.: Мерлин, Честный, Парнаров и другие, съездом принимается следующая резолюция:

«Заслушав доклад о связи и информации, съезд констатируя, что в губернской печати почти совершенно неудовлетворительно поставлена информация из жизни уездов, признает необходимым:

1) Предложить всем местным органам печати принять меры к помещению на страницах ее широкой местной информации, пользуясь переработанным оффициальным материалом, а также живым информированием газет через литколлегии и корреспондентов.

2) В виду того, что в уездах не везде издается периодическая печать, признать желательным помещение в стенгазету местной информации в одну треть или четверть размера стенгазеты.

3) О всех выдающихся событиях губернского города, как съезды, совещания и т. д., должны быть немедленно информированы и уезды по телеграфу.

4) Предложить Витгуброста возможно шире использовать в губернской печати материалы бюллетеней уездных отделений «Роста».

5) Обратить внимание Губнарсвязи на необходимость более грамотной передачи по радио и телеграфу информационных сводок «Вестника».

6) Предложить Витгуброста регулярно три раза в неделю издавать «Агитросту».

7) Относительно типа местных газет рекомендуется редакциям издание комбинированного типа, отдавая предпочтение широкому использованию местной информации и излагая общие сведения о жизни в России и за-границей в сжатом виде.

Подготовка газетных работников.

Тов. Маймин, читавший доклад о школе журналистов, указывает на острую необходимость в этой школе и останавливается на программе и плане этой школы. Слушатели должны быть откомандированы уездами. По окончании школы слушатели возвращаются на места для работ.

Съезд единогласно постановляет предложить Губроста организовать школу не позже 21 января.

Губернское правление союза.

Съездом избирается губернское правление союза журналистов в составе т.т. Пустынина, Осиповича, Бахраха (Витебск), Честного (Невель) и Горного (Сенно).

Выборы на Всероссийский съезд.

На Всероссийский съезд печати избирается т. Честный, кандидатом тов. Горный.

Слияние с Губполитпросветом.

По вопросу о слиянии «Роста» с Губполитпросветом, съезд высказывается за сохранение в Политпросвете автономного отдела печати с «Роста» во главе.

Закрытие.

После заключительного слова тов. Честного об исключительно деловых занятиях съезда, губернский съезд печати закрывается с пением «Интернационала».

Отрывки из наших плакатов.

I.

„Их“ Интернационал.

1.
Засни, засни, народ плебейский,
Орда покорная рабов!
Кипит наш стан белогвардейский
И вновь царя вернуть готов!

На красных бодро,-строй за строем!
С трехцветным знаменем вперед!
Мы наш, мы царский трон
построим!
Пришел Распутиным черед!

Припев.

К чорту, красные бредни!
Здравствуй, Городовой!
Ура!—На последний
С большевиками бой!..

2.
Антанта даст нам избавленье!
Вперед, с рабочими на бой!
Добьемся их закабаленья
Самодержавия рукой!

Совдеп! что может быть нелепей?
Рабочих—бей! Еще!!! Еще!!!
Вздувайте горн и куйте—цепи,
Пока железо горячо!..

Припев.

3.
Лишь наша белая орава,
Не признающая труда,
На свете жить имеет право,
А коммунисты—никогда!

И пусть протест всемирный грянет,—
Нас не смущает бунт ничей!
Корона нам не перестанет
Светить огнем своих лучей!..

Старый драбант.

II.

Блок Ада.

Кто из нас не был в аду? Я тех, кто жил при Николае, имею в виду.

Все мы, не пожелавшие николаевской кабалы, были—«грешники» и нас «поджаривали» на своих сковородках царские приспешники!

Особенно городовые были мастера нас поджаривать, крича при этом:—«Молчать! Не разговаривать!»

Вместо чертей, городовыми был полон николаевский ад, и даже в аду на нас, грешников, они зыкались:—«Осади назад!»

Всех нас, при царе поджаривали одних без славы, других—со славой, и на каждой сковородке была фирма: орел двухглавый!

Много раз я побывал в самодержавном аду, но когда я, бывало, в ад ни приду,—товарищ верь мне или не верь,—больше всего занимала меня адская дверь.

Дверь была—новая, дубовая, вид у нее был широкий да высокий, а сама она была—на блоке, а на нем—пломба гигантская: а-ме-ри-кан-ская!

И хоть мы сказали Николаю «Прощай», а не «До свидания», в этом аду нас пожелали держать Америка, да Англия, да Франция.

Не раз приезжали из-за границы: сам Вильсон, которому снился скверный сон, будто—экая досада!—немного поистерся блок ада; господин Клемансо, который смотрел, в целости-ли то самое колесо, по которому очень ловко катилась прикрепленная к адовым дверям веревка, и, наконец, у этих самых дверей мы часто видели озабоченного Ллойд-Джорджа с лицом дрессированного моржа.

Все они приезжали из прекрасного далека, чтобы испробовать прочность блока.

Но как Вильсон ни старался, блок все же распатался, и ведшая к аду дверь—совсем развалилась теперь...

Уже не смотрит на нас заграница надменно: а не угодно-ли заняться делом товарообмена?

Ежели б человек человеку был волк, то в блокаде был бы хоть какой нибудь толк, но где человеку с человеком жить в согласии надо, там не поможет никакой блок ада!.

Вот почему я этот самый блок в Музей Революции приволок!

Недотыкомка.

III

Советские монопольки.

Пировали пир веселый
Все мы в царские деньки:
Заколачивались—школы,
Открывались—кабаки!

Со святою простотою,
Бросив пьяным черный зов,
Торговала темнотою
Свора жирных царских псов.

И вершалось дело—тонко!
Был неслыханным успех:
Хитро царская казенка
Околпачивала всех!

Пьяным море по колена,
И не все ли им равно,
Красный Питер или Лева—
Было-б крепкое вино!

Промышляли водкой ловко
От восьми и до восьми:
Хочешь—белая головка,
Хочешь, красную возьми!

Прилагали все старанья,
Чтоб хмельнее были дни,
А «союзы», а «собранья»—
Нет, рабочий, извини!

Свора царская сидела
И плела паучью нить..
Но сказал Народ:—«Не дело
Под царем нам больше жить!..

— «Те—князья, а те—дворяне,
Те—«кухаркины сыны»,
Те—крестьяне, те—мещане..
Будет! Люди все равны!

— «В роли серых мы скотинок
Много лет корпели зря!
Отрезвели от Ходынок,
От девятых января!..»

Царь давал нам водку только,
Но не то дает Совет:
При Советах монополька,—
Знанье, Воля, Братство, Свет!

Ныпче в стане всех нам близких
Потому никто не хмур,
Что в «казенках» большевистских
Много книжек и брошюр!

В мировом сияньи славы
Большевик встряхнул толпу..
Уступил орел двуглавый
Место—честному серпу!

Эй, товарищ! Белых банды,
Черносотенную «знать»
В дни Советской пропаганды
Поклянемся—доканать!

Таной-Сяной.

ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧИХЪ
ЕСТЬ ДѢЛО САМИХЪ РАБОЧИХЪ

IV.

ДВЕ РАНЫ.

(Рассказ раненого красноармейца).

Человек я, правду сказать, драный: есть у меня две раны: одна рана—царская, а другая рана—пролетарская. Так вот: о первой говорю неохотно я, а вторая рана—почетная!

От кого получена рана первая,—вспомню, только свои растрепаю нервы я! От немца,—такого же, как я, рабочего, до всего светлого да справедливого охочего.

Царь, чтобы свою пополнить мошну, гнал нас на войну; толкали рабочего русского против рабочего прусского.

С этой стороны нас погонял царь, выпучив от жадности бельма, а прусского рабочего в спину толкала разбойничья лапа Вильгельма.

Была рабочего с рабочим схватка.. Вспомнить гадко! И хоть много я приложил в этой схватке стараний, но.. не буду больше говорить о своей первой ране! Никакого интересу! Ну ее к бесу!

Но есть у меня рана другая.. Получил ее, будучи под начальством товарища Гая, в подарок от польского пана. Вот это—рана!..

Я защищаю пролетариев всех стран. А кого защищает пан?

Дорожку пан прокладывает Николаю, а я под царем жить не желаю!

Я защищаю рабочего право, потому весь мир и кричит мне «браво». Будет на красной улице праздник поздно или рано! Потому меня и радует моя вторая рана!

Об этой ране могу говорить несчетно я,—потому, она рана почетная!

Медали мы—видали! А вот эта, вторая, рана лучше всякой медали!

При царе я был—«скотина серая», а теперь я борюсь, в свой высокий удел веруя; ушли мы, красные, от ужасов крепостного века и бьемся за великие права человека!

Царская Россия была для нас—душный склеп, защищал я царя потому, что был—слеп, а теперь я вышел на дорогу красную и вижу перед собою цель прекрасную..

Я уже не пушечное мясо, в моей душе радости масса: я великое дело делаю,—крушу свору белую!

Так вот, товарищ, ты меня не выпытывай: о моей первой ране услышать ничего не рассказывай, хоть я и недурно языком работаю, а про вторую рану—расскажу с охотою!..

Дарвалдай.

Из репертуара витебского Театра Революционной Сатиры.

I.

Гимн красной метле.

I.

Разметали красною метлой
Паутину жизни мы былой:
Наша красная метла
Жизни сор сметет до тла!
Будем дерзки, пламенны и злы
И стрелять мы будем из... метлы!
Неразлучны мы с метелкой
Жаркой, хлесткой, острой, колкой!
Прутья—прочны,
Метки, сочны,—
Там и тут
Всех жалят, жгут...
Старое гоним долой
Красной своей метлой!

Припев.

Пусть развеселым задирою
Будет наш Теревсат!
Пусть искрометной сатирою
Клеймит он тех, кто хочет назад!
Мы победим скуку серую,
Веруем в то горячо!
Мы с этой радостной верою
Метлы берем на плечо!..

II.

Жизни скучной, однозвучной быль
Под метлою обратится в пыль!
И под наших песен гром
Эта пыль пойдет столбом!..
Будь, метла, затейлива, жива,
Не давай покою буржуа:
Пусть он нас бежит смущенно,
Как от чучела—ворона!
Прутья колки,
Как иголки,
Каждый час
Тревожат вас!
К дьяволу нытиков тех,
Кто отрицает смех!..

Припев.

III.

В Теревсат дорога так светла..
Наше знамя—хлесткая метла!
Ты возьмись, метла, за труд,
Дорог нам твой каждый прут!..
Ты пройдись по красному пути
И с него все белое смети!
И не нашего кто толка,—
В яму тех гони, метелка!
Все живое,
Огневое
Встретить рад
Наш Теревсат!
Кислых-же скептиков он
Гонит нещадно—вон!..

Припев.

Пусть развеселым задирою
Будет наш Теревсат!
Пусть искрометной сатирою
Клеймит он тех, кто хочет назад!

Мы победим скуку серую,
Веруем в то горячо!
Мы с этой радостной верою
Метлы берем на плечо!

II.

Черное—Красное.

Красное—Черное... Черное—Красное...
Вы—в неуемной вражде!
К Черному, Красное, ненависть страстную
Ты проявляло везде!..

***

Помните дни, когда—дико-упорная—
Гнула нас царская власть?
Свора на нас улюлюкала черная,
Злобою пьяная всласть?..

***

Все, что в нас было святого, задорного,
Все, чем мы были крепки,—
Все погибало от Рыцаря Черного,
От его черной руки!

***

Плечи прикрывши свои горностаями,
Пьяные вздевши носы,
Вечно на Красное лаяли стаями
Черные царские псы!

***

Помните время кошмарно-позорное,—
Собственный каменный век:
Красной страной нагло правило Черное,
И пропадал—Человек!

***

В черной руке были цепи державные;
Царский насильника гнет;
Пули, в сердца попадавшие славные
Тех, кто страдал за народ!

***

В черной руке сила зиждилась дикая,
Был в ней невольничий бич;
Песня бичом заглушалась великая,—
«К счастью!»—невольников клич.

***

Черное правило тризну кровавую,
Сея насилия тьму,
Яростно пряча все красное, правое
В царский острог и тюрьму.

***

Царь пировал... Пил он вина отборные,
По попрошайкой стал крез;
Канули в вечность деньки эти черные:
Красный для жизни воскрес!

***

Светятся дерзким глаза его пламенем,
Злобою к жизни былой...
Красный пришел с алым, огненным знаменем,—
Черный—с дороги долой!

***

Черное с Красным схватились в объятии...
Хочется Черному жить!..
Красному шлет он в бессильи проклятия,
Но не страшна его прыть!

***

Черный—упал, громыхая короною...
Черный—под красной пятой!
Красный дорогой идет проторенною
К цели великой, святой!—

***

В красной руке—жизнь свободная, ясная;
В красной руке—воли свет!
Жизнь на земле воцарилася красная,
Черной руки—больше нет!

***

Красным развенчано царство тлетворное,
Бодро вперед он глядит,
Веря: навеки погибло все Черное,
Красное—все победит!..

III

ТРИ ВИТЯЗЯ.

(На сцене три витязя, на конях, меж трех дорог,—по известной картине Васнецова).

Первый Витязь:

Ну, молодец! Ты зорче нас. Взгляни-ка,
Что делает наш богатырь Деника:
У красных он отвоевал-ли Русь?
А если нет,—я предсказать берусь,
Что будет Русь, как в древности, святою,
Что будет вновь под царскою пятою
Изнемогать крамольный красный люд,
Что ныне к нам безжалостен и лют!..

Второй Витязь:

Деника—наш! Помазанник он божий
И с каждым днем нам, белым, все дороже!
Россию он от красных отберет
И править нам придет тогда черед..
И скрутим мы в бараний рог рабочих,
Бунтовщиков, до равенства охочих!
Над всей страной опять захлещет кнут,
И в прошлое дни красные уйдут!

Третий Витязь:

Деника вам так потому и дорог,
Что слепы вы. Но глаз мой чуткий зорок.
И хоть стою, как вы, меж трех дорог,
Но верный путь мне указует рок:
Деника ваш—прислужник Николая.
Любовью к дням невольничьим пылая,
Он, темным, вам царя сулит опять.
Но повернуть возможно ль время вспять?
Разбил народ оков державных цепи.—
И вольные пред ним открылись степи
И он пошел, оставивши тюрьму,
К заре, к лучам, сквозь плесень и сквозь тьму,
И подойдя к пурпуровым знаменам,
Уж он себя не чует угнетенным:
Шумят знамена красные над ним,
И рабства дни рассеялись, как дым!..

Один есть путь: путь из тюрьмы на волю,
И сменит кто Свободу на Неволю?
Деника—был, но ваш Деника—сплыл!
Рассеялся его бывалый пыл,
И, будто склеп, с Деникой мир стал тесен..

Издалека доносятся звуки Интернационала.

Я слышу гром могучих, красных песен..
Я вижу лес алеющих знамен..
Жив Человек! Из рабства вышел он,
Оков своих железных сбросил звенья
И—жаждет жить, и—к воле полон рвенья!.

Первый Витязь:

По правду-ль ты все это видишь там?

Третий витязь:

Денику—бьют.. И по его пятам
Бегут полки.. То не Денику гонят,
То—старый мир насилия хоронят:
То—Никою обманутый народ
Преследует дни рабства и невзгод..
Он—как поток! Его не остановишь
И никакой уздой его не словишь!
Он—точно лава! На пути его
От вас не уцелеет ни-че-го!
Он—вас сметет, как вы к царю ни рветесь!
Все ближе он!. Пришел!.
Эй, сторонитесь!..

Под звуки Интернационала — раздающиеся все громче и громче, занавес медленно падает..

IV.

Раешник.

Сегодня, братцы, рассказ мой будет и весел, и нов: расскажу вам про витебских шептунов.

У них громко говорить не хватает духа: шептуны все свои новости вливают вам прямо в ухо:

— «Послезавтра будут здесь американцы! Двадцать шестого будут испанцы! Двадцать седьмого—высадятся правые эс-эры, двадцать восьмого—приедут польские легионеры! Двадцать девятого—прискачут мамонтовские казаки, а тридцатого—прилетят чехословаки!!»

Шептуны попивают в кофейнях кофе «с маком» и приговаривают с особенным смаком:

— «Слыхали, что Пилсудский поселился на Смоленской, а с ним его секретарь—Керенский? Живут они в простом деревянном доме, где никто не живет этих господ кроме, планы взятия Витебска составляют, стратегические пункты намечают... Скажу вам по секрету: в это воскресение назначено генеральное сражение!!»

— «Слыхали, конечно,—про Молодечно? Там орудуют белоэстонцы, им помогают японцы. Врангель бывает там каждую среду,—обязательно в Молодечно поеду! Подумайте: сотня яиц—руб; дрова—восемь рублей куб; черного хлеба никто в рот не берет, за фунт белого только мародер шесть копеек дерет, двенадцать копеек фунт—сдобные бублики,—не то, что в федеративной советской республике!!»

— «У нас рабочий не получает ничего ровно, а знаете, как русского рабочего кормил Пилсудский в Ровно? К завтраку ему подавали шоколад, к обеду—мармелад, а к ужину—виноград. Кроме того—по два торта первого сорта!!!»

Шептун заказывает пятый стакан кофе и говорит о «неминуемой катастрофе»:

— «Послушайте меня: жизни большевикам осталось четыре дня. Я видел собственными глазами приказ Вильсона привезти в Витебск белых булок 294 вагона, 1,000 вагонов телятины и 3000 вагонов—курятины... Голодать не весело, без спора, но... успокойтесь: наедитесь—скоро!!!»

— «Пари с вами идет, что Витебск к понедельнику падет? Подробности мне передавать неудобно, но план выработан бес-по-доб-но: по секрету вам скажу я, что в Витебск приехали три видных «буржуя»: Ллойд-Джордж, Клемансо и Вильсон и привезли они с собой целый вагон золотых погон! Ллойд-Джордж, переодетый, продает пока на Могилевском рынке старые газеты; а переодетые Клемансо и Вильсон, из чисто-стратегических мотивов, поступили приказчиками в один из витебских кооперативов...»

Шмелем зудит шептун, весь пропитанный духом кофейным, о белых спасителях нашептывает с чувством благоговейным...

Товарищ! Шептуна такого—без дальнего слова,—чтобы он не поддерживал Антанту,—тащи к коменданту!..

V.

Советские барышни.

На сцене—уголок советского учреждения. За двумя столами сидят машинистка и регистраторша. На стенах надписи: „Время деньги"— „Если вы пришли к занятому человеку,—скорее кончайте свое дело и уходите".

Фифи.

Зизи! Тебя я видеть рада.
У нас—прекрасные дела:
Вчера почти у Петрограда
Петлюры армия была!..

Зизи.

Да, да, Фифи! Еще немножко,—
Нам повезет со всех сторон:
О, замолчит рабочий-сошка,
Когда прижмет его барон!

Фифи.

Большевика сотрет Петлюра.
Ура вам, белые полки!
И будет вновь мануфактура,
Духи, помада и чулки!

Зизи.

Булак приедет воевода,
Порядок мигом заведет,
И я, как мне прикажет мода,
Надену шелковый капот!

Фифи.

Мы победим. Я верю в это!
И если нашей станет Русь,—
В манто сиреневого цвета
Я непременно наряжусь!

Зизи.

Режим погибнет большевистский,
Но к жизни мы придем зато,
И закажу я у модистки
Демисезонное пальто!

Фифи.

Ах, только людям благородным
Возможно будет сладко жить.
И снова по журналам модным
Себе мы будем юбки шить!

Зизи.

О, если победит Петлюра!
Дождемся-ль мы такого дня?
Ведь препикантная фигура
Зря пропадает у меня!..

Фифи.

Мы иго красное забудем
И дело вновь пойдет на лад
И снова покупать мы будем
С начинкой нежный шоколад!..

Зизи.

Мы—старой жизни на пороге:
Большевиков мы сбросим в прах!!!
Красивы будут наши ноги
В сквозных петлюровских чулках!

Фифи.

У красных скучно, душно, узко.
Былые дни! Стремлюсь я к вам!
Моя фланелевая блузка
Уж расползается по швам!..

Зизи.

О, дорогая заграница!
Реши наш жизненный вопрос!
При красных нам нельзя
душиться!!
При них нельзя попудрить нос!!!

Фифи.

У красных строй довольно грубый:
Живешь, над бездною скользя!—
Подумай: напомадить губы
При них, как следует, нельзя!!!

В глубине появляется Роста,—фигура, обвешанная газетами.

Зизи.

Неправда-ль, я стройна, как
тополь?
С такой фигурой-бы на бал!..

Роста (зычным голосом):

Барон—бежал в Константинополь!
Петлюра—в Австрию бежал!..

Зизи и Фифи с визгом бегут в разные стороны.

VI.

Ария современного мефистофеля.

(На мотив «На земле весь род людской)

1.

На земле есть новый бог.
Перед ним все млеют, тают
И его все почитают..
Этот новый бог—Паек!
Дух мещанский и холопский
Замирает перед ним.
Каждый страстью злой палим:
— «Что Паек мне продфазтопский?
Мне-б добавочный Паек,
Чтобы сытым быть я мог!
Пусть республика живет,
Пусть живет.
Мне дороже—мой Живот.
Мо-ой Живот!

2.

Всюду крики, шум и вой,
Люди грызть людей готовы:
— «У него—Паек фронтовый,
У меня—лишь тыловой!»
Ураганы реют в мире
И сметают рабства век;
Но мечтает человек:
«Ах, пайка бы мне четыре!»..
Ленин, Врангель.. все не впрок;
Прочен лишь—один Паек!
Человек! Твой кончен бал.
Кончен бал;
Ты—животным ныне стал.
Ны-ы-не стал!

3.

Утолить чтоб аппетит,—
Взяв корзиночки с собою,
К лавкам буйною гурьбою
Человечий сброд летит.
И сияет в ореоле
Ярче солнечного дня,
Продфазтопца взор дразня,
Четверть фунта черной соли!.
— «Братство, равенство, изволь,
Я отдам за эту соль!»
— «Революций время, стоп
Время, стоп!
Мне дороже—продфазтоп,
Про-одфазтоп!..»

4.

Знамя Р. С. Ф. С. Р.
Все сердца воспламеняет,
Всех волнует и пленяет,
Без него мир был-бы сер!
Но, живя под самой сенью
Этих пламенных знамен,
Мещанин весь поглощен
Г[illegible]ем, скукой, ленью!
— «Братства мир. Как ты далек!
Ближе к сердцу ты, Паек!»
И с корзинкой, и с мешком,
И с мешком,
Он стремится за пайком,
За-а пайком!..

5.

Все равно—какая власть:
Братство, Равенство, Свобода
Иль нагайка для народа—
Лишь-бы вам нажраться всласть!
Вы мечтаете, в истоме,—
Сердце бьется ек да ек:
— «Если-б мне такой Паек,
Как дают в Витгубпродкоме!..
Если-б мне такой паек,
Пироги-б я с мясом пек!»
Там, где царь природы пал,
Низко пал,—
Продфазтоп там правит бал.
Пра-а-вит бал!..

VII

Антанта отравилась.

(На мотив: «Маруся отравилась»).

Антанта отравилась...
Юденич был ей мил,
Но генерал Юденич
Узял, да изменил...

***

Антанта в огорченьи,
Но вот, забыв тоску,
Она шлет по почте
Записку Колчаку...

***

Ему Антанта пишет:
«Голубчик, так и так...»
И на коне примчался
Расстреляный Колчак.

***

Антанта угощает
Селедкой Колчака,
А он все напирает,
Антанте жмет бока...

***

Неделя промелькнула...
Колчак был не дурак:
Оставил в положеньи
Антанточку Колчак.

***

Сидел Колчак в Сибири,
Антанту вспоминал...
А ей уж приглянулся
Деникин-генерал.

***

С Деникиным Антанта
Любезничает уж,
А он ей предъявляет
Права, как будто муж...

***

Неделя промелькнула,
Деникин заскучал,
Оставил в положеньи
И в Турцию удрал.

***

Была Антанта честной,
Но грянула беда,—
И умереть решила
Несчастная тогда...

***

Союзников призвала,
Сказала: «Так и так:
Мне изменил Юденич,
Деникин и Колчак...

***

«А без мужчин мне вредно,
Должны меня понять...
И потому решила
Отраву я принять...

***

«Вы плачьте иль не плачьте,
Но я на то пошла!..»
И честная Антанта
Отраву приняла...

***

И где ее могила—
Неизвестно никому...
Антанта, ты, Антанта!
Мир праху твоему!..

VIII

Мадам Люлю.

1.

Она была-бы в музыке каприччио,
В скульптуре—статуэткой Ренессанс...
От всех в ней было странное отличие..
«Мадам Люлю. Бульвар де-Франс...»

Ее в Париже нежно все любили.
Поклонников она бросала в жар...
Дарили ей они автомобили
За щедрость тонких женских чар..

Ее пикантные движенья
Мужчинам всем сулили рай...
Они зато, без размышленья,
Давали дружно ей на чай..

В глубине раздвигается занавес. Шикарно одетая мадам Люлю кокетничает со своими элегантными поклонниками.

— «Мадам Люлю.
Я вас люблю!»—
Всегда шептали ей знойно—
«Вам жизнь отдам!..»
Ну, а мадам
Всех обирала спокойно...

— «Мадам Люлю.
Я вас люблю!..»
К ней с этим вечно все льнули...
И каждый раз,
Вслед этих фраз,
Полнели ее редикюли!..

2.

Но вот Люлю попала к нам в Совдепию
И сразу ей открылся новый мир...
Пришел конец ее великолепию:
Ей снится—трудкомдезертир!..

Она живет, страдая и тоскуя
И кутаясь в душистый горностай..
Вокруг нее—ни одного буржуя,
Ей не даст никто на чай...

Уж к ней поклонники не льнули
И не шептали ей:—«Люблю».
И все худели редикюли,
А с ними вместе—и Люлю...

Мадам Люлю с грустью поглаживает свой редикюль — на фоне огромной вывески—**«Трудкомдезертир».**

— «Мадам Люлю.
Я вас люблю!»—
Никто не шепчет ей знойно...
Она молчит
И вдаль глядит..
В ее душе неспокойно...

— «Мадам Люлю.
Я вас люблю!»—
Слова ей чудятся эти..
Она—бледна,
Она—больна,
И скучно жить ей на свете..

3.

И с видом незапятнанной невинности
Мадам Люлю по улице спешит..
И мысль одна о трудовой повинности
Ее, бедняжечку, страшит...

Она себе не может и представить,
Что надо будет взяться ей за труд..
Ах, как безделье милое оставить?
Как не отчаиваться тут?

Хоть у Люлю душа артистки
Иль, может быть, еще нежней.—
Любезно место машинистки
В Трамоте предложили ей.

Мадам Люлю, — тоскующая и меланхоличная,—сидит за пишущей машинкой и изредка пробует клавиши.

— «Мадам Люлю.
Я вас люблю!»—
Слова ей чудятся эти...
Она—бледна,
Она—больна
И горько жить ей на свете...

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Никто не шепчет ей знойно...
Она грустит
И вдаль глядит...
В ее душе неспокойно...

4.

Люлю была плохою машинисткою,
Был для нее режим советский крут.
Она имела дело лишь с модисткою,—
Был незнаком ей грубый труд...

Сидеть без места-в этом мало толка:
Ведь, у нее вещей на миллион!
И тащит груды бархата и шолка
Мадам Люлю—в аукцион...

Но вот полгода промелькнуло
И у Люлю уж нет вещей...
И как то раз Люлю хлебнула
В простой столовке кислых щей!..

Мадам Люлю —за общим столом,—рядом с «простой работницей», аппетитно уплетающей «первое», пробует кислые щи деревянной ложкой, морщится, с гримасой отставляет миску и вздыхает...

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Никто не шепчет ей знойно...
Она молчит
И вдаль глядит...
В ее душе неспокойно...

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Слова ей чудятся эти...
Она—бледна,
Она—больна,
И тяжко жить ей на свете!..

5.

С шампанским ей мерещатся
бокальчики...
Мадам Люлю угасла в цвете лет.
Машинка ей испортила все пальчики,
А строй советский—туалет!..

Люлю была в Париже содержанкой,
Но здесь ее терзает мрачный сплин,
И содержанка стала—спекулянткой:
Есть сахарин и кокаин!..

Бульвар де-Франс—все это было!
Но жизнь Люлю уж не легка:
Ах, все сложилось так уныло:
Мадам Люлю сидит в Че-ка!..

Мадам Люлю за решеткой...

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Слова ей чудятся эти...
Она—бледна,
Она—больна,
И грустно жить ей на свете...

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Никто не шепчет ей знойно...
Она молчит,
В окно глядит...
В ее душе неспокойно...

6.

И, отсидев, что следует, в подвальчике,
Люлю, в тоске ты вспомнила Париж...
И, обжигая тоненькие пальчики,
Ты—суп на примусе варишь!..

Люлю была недавно дамой модной,
Гордился ей всегда прекрасный
пол...
Теперь в каморке тесной и холодной
Мадам Люлю,—ты моешь пол...

Уж прежней роли не играют
Капризной женщины права:
Мадам Люлю—белье стирает!
Мадам Люлю—пилит дрова!

Мадам Люлю, в блестящем платье, с засученными рукавами, попеременно, стирает белье, накачивает примус и пилит дрова,— причем на протяжении припева она должна успеть каждую из перечисленных работ проделать два раза.

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Слова ей чудятся эти..
Она—бледна,
Она—больна
И кисло жить ей на свете..

— «Мадам Люлю,
Я вас люблю!»—
Никто не шепчет ей знойно..
Она—молчит,
В лохань глядит,
В ее душе—неспокойно!..

ХРОНИКА

⁂ В ближайшее время выходит в свет, в издании Витебского отделения "Роста", сборник "Суд над Хедером". Помимо ряда статей, посвященных этому процессу, имеющему большое агитационное значение, в сборнике будет помещен полный стенографический отчет о "Суде над Хедером". Сборник будет иллюстрирован несколькими снимками, произведенными Витебской кинофотосекцией и представляющими наиболее интересные моменты процесса, исторического для нашего края.

⁂ Витебское отделение "Роста" с нового года начало регулярно посылать своим уездным отделениям клише с готовыми подписями на злобу политического дня. Уезд. стенные газеты охотно помещают эти клише, оживляя и разнообразя свои страницы.

⁂ Кроме посылки клише с готовыми подписями, Витебское отделение "Роста" периодически рассылает своим отделениям серии стекол с лозунгами, портретами и каррикатурами, предназначенные для организованных в уездах световых газет.

⁂ Кроме посылки клише с готовыми подписями "Роста" готовит цикл световых газет, специально предназначенных "Великому Посеву". Газеты эти, которые будут показываться преимущественно в уездах, составляются по типу производственных и носят чисто местный характер. Как о выполнивших задания, так и о саботажниках газета скажет свое слово, подкрепив его галлереей соответственных портретов и каррикатур.

⁂ Витроста командировало своего представителя в Екатеринбург на курсы стеклографии. По приезде нашего представителя в Витебск, предполагается срочно включить в число предметов, проходящихся в школе журнализма, организованной при Витроста, также и стеклографию. Впоследствии Витроста откроет в Витебске специальные краткосрочные курсы стеклографии.

⁂ Наряду с литколлегиями, организованными при Витроста, и доставляющими материал местным "Известиям", в последнее время начали в них систематически сотрудничать также и слушатели Витебской школы журналистов. Каждому слушателю в отдельности даются определенные задания, которые в большинстве случаев выполняются образцово. При отсутствии в Витебске литературных работников, новые сотрудники "Известий" принесут газете большую пользу.

⁂ С 1-го марта, перед началом каждого спектакля, в двух наибольших театрах Витебска световыми газетами Витроста будут демонстрироваться последние радио-телеграммы, а также лозунги, отвечающие политическому моменту.

⁂ Большим успехом пользуется выработанный Витроста новый вид производственной агитации, а именно: световые каррикатуры на дезертиров труда, саботажников, спекулянтов, кулаков и контр-революционеров, в сопровождении устного раешника на местные темы. Такие каррикатуры показываются на фабриках, в клубах и мастерских, причем для каждого этого учреждения в отдельности пишется и рисуется специальный материал.

⁂ При Витроста организована и успешно функционирует госпитальная устная газета, обслуживающая не только городские госпиталя, но также и пригородные. Собранный литколлегиями этих госпиталей местный материал обрабатывается в Витроста и передается госпитальным драматическим и хоровым студиям в виде сценок, песенок, раешников и частушек. Красноармейцы, которых пичкали все время концертами общего характера, с чрезвычайным интересом относятся к новому виду "разумного развлечения" в госпиталях. Репертуар меняется каждую неделю.

⁂ В связи с запрещением местным подотделом искусств демонстрирования "душераздирающих" кинодрам, Витебская Губкинофотосекция обратилась к Витроста с предложением совместно эксплоатировать здание театра "Рекорд" по следующему плану: Губкинофотосекция дает исключительно злободневную кинохронику, а Витроста—световую газету, а также—несколько номеров Теревсата. Серия таких агитвечеров начнется в ближайшие дни. В настоящее время здание и сцена театра б. "Рекорд" подвергаются ремонту, соответственно новым заданиям кинофотосекции.

⁂ Идя навстречу многочисленным просьбам о предоставлении провинциальным театрам пьес и номеров из репертуара Театра Революционной Сатиры,—Витроста приступает к выпуску в свет, сериями, книжек под общим названием "Теревсат", куда кроме инструктирующих статей об этом театре и политических каррикатур, будут включены все пьески, сценки, интермедии, песенки и частушки, прошедшие как в Витебском, так и в Московском Теревсате.

⁂ Местная художественная мастерская заканчивает данный ей Витроста заказ на художественные плакаты, посвященные топливному кризису, а также "Великому Посеву". Рисунки, величиною в газетный лист, будут вырезаны на линолеуме и отпечатаны в две краски.

Бесплатно.

Редактор: РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

В. Ц. — Витебск, 1-ая Государственная типография. 1500 экз.